

Ольга Шермер

Крупницы Хаоса. Магия и меч

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Айла Литте не готова к взрослой жизни. Абсолютно. Порой наивная, не слишком уверенная в себе, но верящая в сказки и драконов магичка словно живет в каком-то вымышленном мире, где нет места злу и предательствам. А Рейвелл Шакс, временно заменяющий магистра магии и меча в ее школе, этого совершенно не понимает. Только чем дольше они общаются, тем больше ему хочется сохранить идиллию своей подопечной, не разрушать ее мир, ткнув девушку носом в жестокую реальность. Наоборот, сделать все, чтобы беды не коснулись ее.

Только как быть ей, если он и станет ее главной бедой?..

Ольга Шермер

Крупницы Хаоса. Магия и меч

© Шермер О. В., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Не так страшна контрольная работа по практической магии, как магистр Один, ее проводящий. Колючий взгляд его скользил по кабинету медленно, задерживаясь на учениках, и настолько он казался тяжелым, что даже самые добропорядочные из нас начинали сомневаться в своей добропорядочности.

Использовать шпаргалки категорически не рекомендовалось. Самым мягким наказанием, ожидавшим бедолагу, застуканного с поличным, по праву считались ежевечерние отработки в школьном «Живом уголке» на протяжении двух недель, хотя на первый взгляд, казалось бы, ничего радостного в чистке стоил и быть не может. Но главный наш любитель использовать в учебе все, кроме собственного ума, – Линас – однажды был отправлен Одним в русалочий грот, и только там в первый же час он понял, насколько может быть прекрасна возня с лопатой в благоухающем облаке природных ароматов по колено в грязи. Русалки по натуре своей мало того что недружелюбны, так еще и их нелюбовь ко всему живому и вовсе выделяла людей в отдельную категорию, вознося на первое место русалочьего списка мерзостей мира сего. Страшно подумать, что происходит, когда в их полное распоряжение поступает человечиска с прямым указанием от магистра «выполнять все, что попросят, иначе отработка засчитана не будет». Лину тогда сопереживали всей школой, некоторые товарищи, бывало, дожидались его возвращения в общей гостинной, чтобы сочувственно похлопать по плечу и нарочито радостно сказать: «Не дрейфь, дружище, всего неделя осталась!» Я же была почти уверена, что не стоит озвучивать продолжительность этой каторги лишней раз, поскольку неделя – это семь дней. Семь дней – это сто шестьдесят восемь часов, из которых двадцать один придется еще проторчать в гроте в далеко не самой приятной компании.

– Хочется верить, что ваш отсутствующий взгляд, милейшая дейрис^[1] Литте, означает, что вы сейчас из последних сил вспоминаете последовательность проведения контрзаклинания подчинения разума.

– Ее я вспомнила. – Я смущенно опустила взгляд в тетрадь. – А вот правой или левой рукой делать пас при перенесении метки Гидео – нет.

Магистр закатил глаза, одним своим видом показав всему классу, какими непроходимыми недоумками он нас считает. Ему даже можно было ничего не говорить, все читалось на его благородном лице.

– Вы, простите, когда ручку берете, тоже полчаса соображаете, правша вы или левша?

«Бывает», – подумала я, вслух лишь вздохнув. Прикрыла глаза, представив два манекена, что стоят у нас на тренировочной площадке за школой. Вот на один из них наложена метка, вот раскрытой ладонью правой руки я рисую в воздухе незаконченный треугольник, нанося пятисекундный блок от воздействия, вот левой рукой прочерчиваю в воздухе дугу, ведущую от метки ко второму манекену...

И с явным облегчением вывожу в строке напротив вопроса о метке слово «правой». Следующее задание...

«Опишите три любых варианта использования основы Эйме». Это просто! Сиара, моя соседка по комнате и подруга в одном лице, только накануне вечером вслух заучивала все пятнадцать, бродя из угла в угол по комнате. Даже Ири, обычно циничная и спокойная, не выдержала и с характерным воем улетела сквозь стену в ванную. Даром что призрак – чувств

и эмоций в ней на трех живых хватит!

Я украдкой обернулась на подружку. Голубовато-серые ушки задумчиво нависали над тетрадью, а сжатое в когтистой руке перо активно что-то в ней вырисовывало. Если пишет – значит, помнит, а переживала, как обычно, напрасно. Но она умница. На ней сейчас лежит большая ответственность, поскольку она стала первой студенткой из рода ферре^[2], по обмену принятой в нашу магическую школу, и всеми силами старается не ударить в грязь лицом как перед своими сородичами, так и перед людьми.

Магистр Один сразу был настроен скептически. Если остальные учителя изо всех сил старались не выделять Аменсиару Чарен, прибывшую из далекого Нейероса, то он, наоборот, усердно напоминал ей, кто она такая, зачем здесь, и порой цеплялся чуть сильнее, чем к прочим. Но стоит отдать ему должное. Он ни разу не переступил грань дозволенного, хотя, казалось, соблазн был велик. Ему словно было интересно, на что способна представительница расы зверолодей, искал, где кончается ее природный резерв, и никак не мог найти. Поэтому я понимала, отчего накануне занятий по практической магии книжки валились из ее рук, а грозное имя магистра вызывало почти благоговейный ужас.

– Госпожа староста, не соизволите ли вы собрать работы по классу?

Один неслышно подкрался к моей парте и, опершись ладонью на ее край, задумчиво потарабанил пальцами по столешнице.

– Конечно, магистр.

Я молнией вспорхнула со своего места и отправилась в самый дальний угол класса, давая Сиаре чуть больше времени на проверку. Линас сдал листок вместо тетради и пожал плечами.

– Чем богат. Зато оцени тонкость художественной мысли!

Художественная мысль Лина действительно была тонка. Настолько, что напротив задания «опишите процесс нанесения символа Раганона в условиях нестабильности «Ра» был нарисован человек, состоящий из овального тельца, палок рук-ног и отчего-то квадратной головы. Рядом с левой, поднятой вверх рукой была приписка: «Нужно позвать учителя, чтобы он сам нанес символ от греха подальше», а ниже, в строке ответа, выцарапано сакраментальное: «Ну как-то так».

– Там ведь достаточно было просто верхнюю и нижнюю «зэту» нанести поверх окружности, – вздохнула я. Опять получит двойку. Опять не расстроится. А потом вызовут старосту и будут ее сильно ругать, что плохо следит за учениками.

В старосты я никогда не метила. Я просто не умела врать. Вернее, врать умела, но не так быстро, как остальные, а потому в отличие от одноклассников так и не успела придумать уважительную причину. Один прикрылся нехваткой времени из-за кружка зельеварения, другой занятиями танцами, третий работой в школьной газете, а кто-то даже наградил прабабушку по папиной линии какой-то страшной болезнью, а потому был обязан «каждый день проводить старушку»... Хотя прабабушки у него уже лет пятнадцать как не было.

Поэтому в рассветной тишине, когда полусонные ученики стадом улиток вползали в обеденный зал, я уже протискивалась обратно в коридор, дожевывая бутерброд, спеша в учительскую за классным журналом и свежей порцией нотаций. Либо, вместо того чтобы оглашать смехом школьный двор вместе с остальными, сидела на скучных собраниях Совета школы, дежурно кивая в ответ на очередное предложение Айдре Флина.

Староста выпускного класса, казалось, был старше нас вдвое, настолько серьезно он подходил ко всем проблемам школы. Стоило приключиться малейшей неприятности, как

Айдре уже стоял у кабинета директора с прошением разобраться и устранить последствия. Нет, конечно, хорошо, что парень настолько ответственен, раз даже мелочь в виде сломанного шпингалета в мужской уборной сразу бросалась ему в глаза, но так хотелось однажды увидеть его с развязанным галстуком, небрежно распушенным воротом рубашки, взъерошенными волосами, полупьяной от счастья улыбкой на лице... Но вместо этого нас встречал неизменно суровый карий взгляд, холодное «доброго утра, коллеги» и возмущенное «как можно было допустить, что на потолке третьего этажа появилась трещина?». Хотя возмущения поражали своим разнообразием. Когда-то он даже пытался протестовать против банши в северной башне, пока не столкнулся с ней лично нос к носу. После этого Айдре просто предложил башню закрыть. Либо – хотя бы! – повесить табличку, что входить туда можно исключительно на свой страх и риск.

А мне банши – которую, кстати, звали госпожа Белл – нравилась. Она часто напевала грустные песенки, издавала похожие на траурные завывания, которые эхом разносились по этажам, а еще сидела на подоконниках и тосковала. Наверное, о тех годах, когда она была обычным учителем школы магии, примерной супругой и мастером своего дела... Настолько увлеченным, что магия, во время очередной попытки добраться до ее сути, поглотила часть души Белл. И от магистра осталась искаженная оболочка, замученная воспоминаниями, да прицепившееся прозвище «банши».

Широкие коридоры школы пустели ближе к полудню и вновь заполнялись шумом приблизительно после двух часов, когда начиналась вторая смена. Мы с Сиарой брели к библиотеке, обсуждая грядущий праздник, и мечтали о скорейшем наступлении вечера так, что даже под солнечным сплетением что-то приятно ныло.

– Надену синее! – заключила подруга после получаса радужного перечисления. – А ты? Хочешь, я тебе свое лазурное одолжу? К серым глазам и черным волосам хорошо должно подойти!

– Чтобы я весь вечер боялась сделать лишний шаг, опасаясь, что юбка вот-вот взмоет выше ушей? – хихикнула я.

На самом деле платье было очень красивым, и Сиара прекрасно знала, как оно мне нравится, но при этом настолько невесомым, что казалось, малейший порыв ветерка сорвет его прочь и умчит вдаль, как перышко, оставив меня наедине с моим позором.

– А я буду ходить за тобой хвостиком и следить. – Сиара перешла на шепот, едва мы пересекли библиотечный порог.

– Хвостик с хвостиком... – мечтательно протянула я. Ферре улыбнулась, показала мне язык и звонко изрекла:

– Доброго дня, госпожа Денлард!

Библиотекарь и архивариус школы Родена Денлард, вздрогнув, уронила фолиант в самую пыль – на миг даже показалось, будто она окутала себя клубами волшебного дыма и куда-то переместилась. Но серое облако быстро осело обратно на полку, книга была поднята и любовно поглажена вдоль корешка, и лишь тогда библиотечарское внимание переключилось на нас.

– Да-да, девочки мои хорошенькие. Что вам нужно? Для учебы что-нибудь или для себя? Может быть, что-нибудь про любовные чары? – И женщина кокетливо захихикала. Для своих лет госпожа Денлард была совершенно прекрасна. Седой одуванчик волос, кокетливо сползающие на кончик носа очки и настолько благородное морщинистое лицо, что казалось, она всю жизнь так и выглядела, потому что быть молодой ей наверняка совершенно не шло.

– Пока что без них хорошо. – Я смутилась, Сиара глупо захихикала.

– Ах, мне бы ваши годы... – Голос ее звучал с настолько трепетной нежностью, словно для полного удовлетворения потребности дарить ласку и заботу собственных детей и внуков ей не хватало. – Помню, мне было семнадцать, и этот старый хрыч впервые пригласил меня на день колдовского равновесия... Впрочем, что это я.

Под «старым хрычом», разумеется, подразумевался господин Денлард, ныне счастливый супруг, дедушка трех очаровательных внучат и наш постоянный поставщик провизии. Ферма их семейства находилась всего в трех-четыре верстах от школы, и, несмотря на то что магией никто из них не обладал, судьба тесно связала их с магами. Когда-то очень давно господин Денлард заступился за пойманных в самом центре Азария^[3] учеников, и если бы не директор нашей школы в то время, то наверняка бы их всех вместе отправили в лучшем случае за решетку, а то и вовсе на костер. Считалось, что, если в день, не являющийся официально разрешенным для выхода юных магов в город, кто-то из них все-таки уходил без сопровождения взрослых и соответствующего разрешения, значит, наверняка это сбежавший отступник, не поддающийся контролю, абсолютно точно затевающий что-то страшное и подлежащий немедленному отлову и истреблению. Род Денлардов тогда был объявлен вне закона, но школа взяла их под свою защиту.

История о дне колдовского равновесия, впервые услышанная из уст библиотекариши, неопишимо меня умилила: будущий супруг не придумал ничего интереснее, чем пригласить на романтическое свидание простую девушку Родену... на магический праздник. И вопреки его страхам она не сбежала в ужасе сдавать его Ордену^[4], а так прониклась и расчувствовалась, что вскоре приняла предложение руки и сердца и взяла фамилию мужа, тем самым лишив себя спокойной, свободной жизни.

А «старым хрычом» она его называла конечно же в шутку. Теплая улыбка в этот момент куда красноречивее громких ласковых слов.

– Нам, пожалуйста, «Энциклопедию амулетов и талисманов» под редакцией Теруса, – зачитала с листка Сиара и для достоверности сунула эту же записку в руки госпоже Родене.

– Теруса... – Старушка тут же удалилась вглубь книжных рядов, продолжая бормотать под нос, дабы не забыть. – Терус... Где-то я его видела буквально вчера...

Спустя десять минут мы уже с чистой совестью удалялись с тоненькой брошюркой, невесть за какие заслуги именованной «Энциклопедией», ибо помещалась в нее лишь сотая, если не тысячная часть существующих в мире талисманов и амулетов.

– Ири расстроится, – протянула я. – Она толстые книжки любит...

– Лишь бы магистр Кадал не расстроилась. И нас не расстроила заодно низкими оценками за поверхностные знания по предмету, – усмехнулась Сиара.

В комнату мы забежали на пару минут. Поздоровались с нашим комнатным призраком, оставили ей брошюрку для изучения, бросили тетрадки с учебниками на кровати и направились в сторону обеденного зала, поскольку голод медленно, но верно начинал замутнять рассудок, все мысли превращая в мечты о вкусном горячем обеде.

– О солнце дней моих, ушей очарованье... – бодро, нараспев затянул Лин, едва заметив нас на ступенях.

– Опять он, – прохныкала Сиара, нырнув за мое плечо, будто это могло ее спасти от пылкой страсти одноклассника.

Но Линас уже прекрасно разглядел нас обеих и еще более воодушевленно продолжил вещать странные, наверняка самописные строки, подбадриваемый эхом и смешками

пробегающих мимо учеников.

– Хвостом виляние твое сведет меня с ума...

– Только не это. – Сиара и вовсе прикрыла глаза ладонью, желая провалиться на месте. –

Испепели его, пожалуйста. Подруга ты мне или где?

– Он, может, от всей души, а ты... – рассмеялась я. – Хороший же парень!

– Вот сама с ним и встречайся!

– Я ему не нравлюсь, у меня нет никаких шансов перед твоими хвостом и ушками, – поддела Сиару я и вильнула в сторону, тем самым лишив ее живого щита в моем лице.

– Почему ты такая заноза, когда не надо, – жалобно протянула подружка, оббегая меня с другого бока подальше от юноши. Но Лину, казалось, был важен не столько сам объект страсти, сколько публика. Она любила его дуракаваляния, а оттого была крайне благосклонна.

– И каждое твое здесь появление я жду, как солнца луч сквозь мрачных туч...

– Айла, неужели он не понимает, что так никто не говорит? – прохныкала Сиара. – Это же неправильно построенная фраза! Там должно быть хотя бы «сквозь мрачные тучи»!

– Тогда не в рифму, – понимающе пояснила я подружке, и мы скрылись за порогом столовой под отчаянное:

– Даруй свой взор мне, я его повешу в рамку, и не разлучит нас с тобой отныне впредь!..

Едва за нашими спинами хлопнула дверь, я разразилась смехом так, что даже живот свело. Подруга наградила меня сначала самым ненавидящим взглядом, попыталась одолеть ползущую на лицо улыбку, но спустя пару мгновений хохотали мы уже обе.

– Давай его менестрелям сдадим? – утирая слезы, спросила я, когда мы уже приблизились с подносами к раздаче.

– А давай на опыты? Мне интересно, что в его голове заставляет творить такое!

Протянув руку с щипцами за ароматной булочкой, я ненароком легко задела локтем стоящую перед нами Тьерру Магнет и в последние мгновения затишья поняла, что сейчас будет взрыв.

– Ты вообще не смотришь, куда ручищи свои тянешь?! – заверещала Тьерра. – Проклятая деревенщина, манерам сначала научись, а потом к людям суйся!

Я открыла было рот, раздумывая, извиниться за то, что толкнула, или посоветовать пойти к демонам с точным описанием маршрута, но Сиара сориентировалась куда быстрее. Со словами:

– Ты лучше ешь, чем говори. Кстати, держи, для фигуры полезно! – Подруга бесстрастно плюхнула желанную мной булочку в тарелку Тьерры.

Вместо тихого всплеска получился громкий звон, суп опрокинулся на белоснежное платье девушки, томатно-свекольные узоры поползли по дорогой ткани, осколки заплясали по полу в бешеном танце, оглашая обеденный зал своей мелодией. Тьерра заверещала еще пронзительнее, сквозь резь в ушах от ее голоса прорывались лишь нечленораздельные звуки что-то про папу, как обычно, и что-то не совсем приличное заодно. Финальными аккордами увертюры прослужил цокот каблуков в сторону выхода и угрожающее:

– Это вам с рук не сойдет... Неудачницы! – раздалось напоследок перед звуком захлопнувшейся двери.

– Ой, – смущенно изрекла Сиара, едва все стихло.

– Странно, – глядя на пол, усыпанный осколками, и почесывая макушку, протянула я. – На нее суп опрокинулся, а мы неудачницы?

С Тьеррой мы не дружили давно, крепко и безвозвратно. Хотя именно благодаря этой «недружбе» восемь лет назад я и оказалась в стенах Школы магии.

Если бы тетушка Мелинда, сестра моей мамы, не пожелала меня отдать инквизиции, если бы Картер, мой брат, не подслушал ее разговор, мы бы не сбежали в тот злополучный день из дома. И мы бы не оказались в тихом дворе дома на Сиреновой улице, не заметили бы там странную девочку, отчаянно вырывающую игрушку у плачущего малыша, я бы не одарила ее, такую нехорошую, легким уколом молнии чуть ниже поясицы... В свою очередь она бы не пожаловалась папе, что какая-то девчонка на нее намагичить посмела, и если бы все это не совпало, то, наверное, меня бы давно уже не было. А вот папа ее по самому счастливому стечению обстоятельств оказался Атиасом Магнетом, директором Арлантарской школы магии, который в ту же секунду сгреб нас с Картером в охапку, брата вернул тетушке, а меня забрал с собой. Выделил место в общежитии и отправил в первый класс к моим ровесникам.

Тьерра тоже в тот год пошла в первый класс, только в другую группу, а потому пересекались мы лишь изредка на совместных уроках, в коридорах да в обеденном зале. Складывалось у меня странное ощущение, будто место, куда попала моя молния, у бедняжки до сих пор зудело, и сильно, иначе чем еще можно было объяснить ее такую ярую ко мне и всему, со мной связанному, нелюбовь?

– Тарелочку жалко, – виновато пробормотала Сиара, собирая осколки.

Кухарка укоризненно поохала, покачала головой и отправилась за веником.

– Нехорошо получилось, – вздохнула я, присев рядом с подругой.

– Но она ведь совсем за языком не следит! – Желтые глаза Сиары вспыхнули гневными искорками.

– А мы за действиями, – грустно усмехнулась я, поблагодарив кухарку за принесенную щетку и совок. – Помнишь прошлый раз?

– Нет, ну вот тогда совсем без злого умысла было, – разулыбалась подружка. – Если бы она, как порядочная девочка, слушала папу и не разгуливала в своих шикарных нарядах по школе, то и на шлейф ей никто не наступил бы.

– Никогда бы не хотела оказаться на ее месте, – сочувствующе произнесла я, вспомнив, как первая красавица школы удирала прочь из центрального зала, стыдливо подхватывая на бегу отделившуюся от платья юбку. Хотя мальчишкам понравилось. Им вообще часто странные вещи нравятся.

– А мне даже интересно было бы взглянуть, как бы ты себя повела, – ехидно отозвалась Сиара.

– Я могу и вовсе без одежды по школе бродить, – хихикнула в ответ я, – и на меня никто даже не посмотрит.

– Ты себя недооцениваешь, – сморщила хорошенький носик Сиара. Показав ей в ответ язык, я осталась отомщена и совершенно собой довольна.

«Останки» были сметены в совок и скорбно препровождены в мусорное ведро. Кухарка осуждающе вздыхала, глядя на нас, преисполненных грусти, вглядывающихся в неизведанную черноту мусорной корзины, в которой только что сгинула некогда целая тарелка, готовая служить на благо народа, неся добро, тепло и суп... Удерживать серьезные мордахи удавалось нам недолго, и, стараясь не смеяться в голос, мы вернулись к своим подносам и по-прежнему желанному обеду.

– А Ири пойдет на праздник, она не говорила тебе? – взмахнула подруга ярким брусочком свежей моркови прямо у меня перед носом.

– Не говорила. Вчера она была не в духе, я даже не стала спрашивать.

– Когда там у нее день смерти?

– В октябре, кажется.

– Нескоро, – задумчиво протянула Сиара. – А день рождения?

– А день рождения она сама не помнит, – вздохнула я.

– Я вообще слышала теорию, что призраки со временем забывают самые важные подробности своей жизни. Такие, как дата рождения, свое имя, имена родителей... И когда они забывают совсем-совсем все, возможно, становятся просто пустым облаком, которое, вероятно, никто и никогда даже не увидит. – Отчего-то в голосе подруги зазвенели нотки мечтательности, и, встретив мой вопросительный взгляд, она удивилась:

– Что? Красиво же звучит!

– Красиво, – согласилась я. – Но грустно. Я не хочу, чтобы Ири совсем себя забывала. И нам втроем в комнате хорошо живется! Из-за нее никто не лезет. Карамельки не таскает...

– Если тебя это утешит, то процесс потери воспоминаний у них протекает сотни лет. А еще, не исключая, это просто миф.

И Сиара впилась зубами в куриную ножку с нескрываемым удовольствием. Я не могла не последовать ее примеру.

За что я любила школьный обеденный зал, так это за уют. Деревянные столики на четверых, нежных оттенков скатерти, на стенах – небольшие картины с самыми что ни на есть вкусными изображениями. Больше всех мне нравилась дальняя с пузатой чашкой горячего шоколада, на блюдечке рядом с которой лежала настолько аппетитная булочка с корицей с осторожно отрезанным кусочком, наколотым на десертную вилку, что иногда казалось, будто ощущаешь во рту ее вкус, просто глядя на рисунок. Окошко на заднем плане выходило прямо на центральную площадь с потрясающим фонтаном и цветные точки жителей, толпящихся возле него... Пастельно-акварельные тона, размытые границы конечно же лишали работу правдоподобности, но они в ней и не нуждались. Картины эти были прекрасны именно тем, что они картины. И при взгляде на них мне так хотелось научиться рисовать...

Наш призрак парил над подоконником, когда мы вернулись после обеда в комнату, и печально вглядывался в горизонт.

– Что там сегодня показывают? – хихикнула Сиара и плюхнулась на свою кровать с размаху. Не будь подруга такой миниатюрной, кровать могла бы и не пережить столь резкого приземления.

– Деревья, горы, кусок моря. А еще корабль проплывал. – Ири даже не повернулась в нашу сторону. – Сегодня всего один.

Она совершенно не помнила, как стала призраком, поэтому самым обидным для нее осталось то, что она не могла покинуть школу. Зато вопреки угрозам Сиары отлично помнила свое имя – Деянира О’Нил – и часто вздыхала, как ее печалит, что никто и никогда больше так к ней не обратится, поскольку ей очень нравилось его звучание.

– А на праздник сегодня с нами пойдешь? – вкрадчиво поинтересовалась я.

– Слушать в очередной раз слюнявую легенду о ночном волке и рассветном единороге? Нет уж, увольте...

– Но зато будет музыка. – Сиара перекадилась по кровати и стекла на пол. – И танцы!

Сиара грациозно провальсировала на цыпочках к шкафу, откуда вывалила на постель целую кипу платьев, и принялась пританцовывать у зеркала, поочередно прикладывая их к

себе. Сиреневое сливалось с оттенком ее волос, оранжевое заставляло желтые глаза сиять точно солнце, мое любимое, лазурное, превращало ее в самое трепетное создание на свете, но зато синее заставляло сиять изнутри, точно сшито было не из простой ткани, а из самой воплощенной магии красоты.

– Да, – заключила она. – Как и думала, пойду в синем!

После чего торжественно протянула мне мою мечту.

– Отказ не принимается. Ири, ну помоги мне!

Деянира проплыла под потолком, хмуро изучая сначала меня, потом платье, затем нас вместе, после чего заключила:

– Глупо отказываться, дорогая!

– Но...

– Не понимаю, зачем вообще ходить на такие мероприятия, если не пытаться на них быть самой-самой? Ну, пойдешь ты в школьной форме или того хуже – в свитере и штанах для выхода в город! Самой-то какво? Ощущение праздника горгулье под хвост!

Я вздохнула. Настолько грустно и громко, насколько это было возможно в моем случае, но на подруг это никак не подействовало.

А потому вечером, едва последний луч солнца растворился на небосводе и все начали выбираться из комнат, устремляясь в главный зал, я чувствовала себя в этой сверкающей толпе как кукла среди людей. Неудачная кукла, волосы которой наспех закрутили, точно шерсть выставочного пуделя, и нацепили единственное платье, которое нашлось. Нет, я более чем уверена, что со стороны это смотрелось красиво, но настолько я себя чувствовала некомфортно, что даже глаза лишней раз прятала, сталкиваясь взглядом с одноклассниками. Все ждала глупых шуток Лина, язвительных фразочек Тьерры, смеха ребят, любого другого подвоха... Все это так неправильно, это была я, запечатанная в чужом теле и совершенно не умеющая им пользоваться.

– Айла, – прошипела Сиара, уверенно вышагивающая рядом со мной, – если ты немедленно не расслабишься, то наверняка лопнешь!

– От чего? – удивилась я.

– От напряжения, от чего! Просто представь, что здесь никого нет, кроме меня... ну и Ири для массовки, и все! Нос выше, грудь вперед и пошла, пошла, пошла...

А вот о груди Сиара напомнила и вовсе напрасно. Вырез был совершенно чудовищен, я была почти уверена, что насчет его мне еще сделают не одно замечание, обвинят в аморальном поведении, обязательно отметят это в моем личном деле... а посему порой я старалась подтянуть платье ну хоть чуточку выше, но оно, как назло, сидело на мне как влитое.

– О, староста! Да ты шикарна, оказывается. – Лин, пробегающий мимо, застыл рядом и отвесил нам с Сиарой глубокий поклон. – А ты, Аменсиара, звезда моя, услада моих ушей, свет моих очей...

Но речь его потерялась в шуме толпы, а после потерялся и сам Лин, которого под локти подцепили товарищи да так и унесли куда-то ближе к сцене.

Украшен парадный зал был просто волшебным. Справа вдоль стены шла пастельных оттенков драпировка, символизирующая рассвет, с другой стороны красовался объемный узор в виде бегущего волка, вместо хвоста и задних лап которого волнами расходилась ткань, изображающая ночь со сверкающими вкраплениями звезд. Взамен факелов зал сегодня освещали сотни маленьких свечек, которые традиционно по окончании торжества

выносились на улицу и опускались в реку, чтобы, если верить легенде, своим теплом и светом прогнать ночного волка как можно дальше от нас.

– Короче! – весьма торжественно начал вступительную речь Лин, выскочив на сцену, и, откашлявшись, поправил цветастую бабочку. – Директор мне сказал в сотый раз зачитать вам легенду о божествах, но я решил, что праздник, начатый с занудства, – не праздник, поэтому давайте есть! А когда вы все будете сытыми настолько, что не сможете убежать, вот тогда я и расскажу всю историю мироздания с самого начала и в подробностях!

Местного балагура зал поддержал смехом и аплодисментами. Улыбнулась даже Сиара, которая, обычно из вредности, игнорировала парня и самые его искрометные фразочки. Лин, конечно, был тем еще дуралеем, но сам директор Магнет признавал, что у парня огромный потенциал, и понимающе направлял его неумную болтливость в нужное русло. Например, год за годом назначая на должность ведущего праздников. Поскольку болтать он все равно будет много, так пусть хоть делает это с пользой!

Угощение разлеталось в секунды. Приглашенные разносчики едва успевали сновать между ребятами до кухни и обратно, разнося всевозможные закуски. Я еле успела ухватить рулетик с красной рыбой и пару кусочков сыра, Сиара – маленький шашлычок из овощей и мяса, и мы поспешили отойти в самый дальний угол под изображение волка, пока кто-то в суматохе не подчистил и наши тарелки.

– Как можно быть таким придурком, – вздохнула Сиара и закинула в рот маленький, размером с вишню, помидор.

– О ком ты? – «непонимающе» поинтересовалась я.

– А то ты не знаешь! – закатила глаза Сиара. – Неужели его и правда кто-то может находить забавным?

– Я нахожу его забавным, – призналась я.

– Я тебя больше не знаю, – мрачно сообщила она. – Нет, серьезно! Смеются над его шутками, словно им за это платят. Но он же... просто шут!

– Но шуты ведь для того и нужны, чтобы народ веселить, – с улыбкой отозвалась я.

– Мне в таком случае больше нравятся истории, где их казнили за глупые шутки, – закатила глаза Сиара. – Ох, нет, мне никогда этого не понять...

Покусывая сыр, я с умилением покачала головой. Когда подруга возмущалась, ее острые ушки крайне забавно подрагивали.

Возле сцены уже поднималась суета, насытившиеся ученики требовали зрелищ, и Линас вновь занял свое законное место перед толпой. Зазвучала музыка, замелькали тени, блистательная Сиара тут же сориентировалась и стащила еще несколько бутербродов с общего стола.

Я изо всех сил старалась не лезть людям под ноги и вообще не попадаться на глаза. Воспользовавшись тем, что подружку пригласили на танец, так и не дав истребить до конца все бутерброды, я плавно, вдоль стенки, слиняла прочь из зала. На празднике ведь я побывала? Побывала. Платье красивое надевала? Надевала. Какие ко мне еще могут быть претензии? Никаких!

Но в комнату возвращаться я не спешила, ибо недовольного и сопереживающего призрака еще никто не отменял, а потому выскользнула через западный вход на улицу, стянула жесткие туфли, подхватила их за ремешки и на носочках прошла по траве. Она приятно холодила ступни, что немного горели после каблуков с непривычки, и я, выйдя на вымощенную камнем тропинку, сбегала вниз со склона к реке. До традиционного спуска

свечей на воду было еще много времени, а потому можно было не переживать, что мое блаженное одиночество кто-то посмеет нарушить.

Где-то гулко ухала сова. Я отбросила туфли в сторону, услышав шорох какой-то удирающей ящерицы, едва не пострадавшей от спонтанного полета обуви, затем пробежалась вдоль кромки воды.

Легкая ткань платья разлеталась от малейших дуновений, но сейчас можно было не бояться посторонних взглядов и насмешек. Я прошла по дуге выступающего берега, дошла до моста, взошла по его ступенькам и, встав по центру, уперлась ладонями в перила, вглядываясь в воду. Эйфа у подножия школы разливалась во всю свою ширину, которая не сказать, что была уж какая пугающая, но вполне достаточная, чтобы не суметь доплыть от одного берега до другого, если плаваешь ты хуже среднего.

И так завораживали воды, бегущие навстречу через черную кайму колосющихся у берега трав, манили звезды, отражающиеся в глубине, что казалось, будто упади сейчас за ограждение, я не промокну, а улечу куда-то в неизвестность...

Когда-то нам рассказывали о том, что мысли материализуются, но никто не предупреждал, что настолько точно и быстро. Где-то хрустнуло, хлипкие перила подались вперед под моим весом, а я, не успевшая отпрянуть, качнулась вслед за ними и вниз головой ушла, увы, вполне в известность. Мокрую, холодную известность.

И «невесомая» лазурная ткань плотно облепила ноги, превратив их в подобие русалочьего хвоста, при помощи которого я, в отличие от подводных жителей, плавать совершенно не умела. Нелепо извиваясь в воде, я уходила все глубже и глубже, теряя остатки воздуха от страха и лишних телодвижений. Расслабиться, как учили, не получалось. Напротив, паника охватывала все сильнее, ноги не слушались, и я непроизвольно глотала воду вместо желанного воздуха, пытаюсь дышать и чувствуя, как уже горят горло и легкие. Поэтому, когда меня неожиданно окатило ледяным ветром, я, решив, что, видимо, все, умираю, предприняла прощальную попытку вырваться на поверхность и глухо ойкнула, больно стукнувшись обо что-то коленкой.

– А вот нос мне ломать вовсе не обязательно, – сообщил внезапно глубокий мужской голос мне прямо в ухо. – Достаточно простого «спасибо», знаешь ли.

Я плюхнулась на песок, припадочно кашляя и в перерывах между приступами жадно хватая воздух. В голове стоял отчаянный звон, усиливающийся по мере моих содроганий, и очень хотелось просто распластаться без сил на земле, но мешала чья-то рука, держащая меня под грудью.

– Хочется думать, что это несчастный случай. – Мужчина продолжал меня заговаривать. – Хотя кто вас, таких трепетных, знает. Чуть трагедия – сразу рыбам на корм...

– Русалкам, – выдохнула я с трудом и наконец-то перевела дыхание, тряпочкой обвиснув на руке спасителя.

– Что, прости?

– Тут рыбы не водятся, их русалки выселили. Поэтому, если на корм, то русалкам, – пояснила я.

– И чем русалок не устраивают рыбы?

– Запахом. Противный, говорят. Хотя я их понимаю.

Убедившись, что вновь бросаться в пучину водную я не побегу, мужчина убрал руку и сел рядом. Я тоже смогла извернуться и шлепнуться пятой точкой на песок.

– А разве русалки – не полурыбы?

– Они утверждают, что нет.

Я подтянула к себе колени и обхватила их руками, греясь.

– И кто-то им верит?

– Они думают, что верят. А вы кто?

– Рейвелл. – Мужчина повернулся ко мне, и я вздрогнула при виде светящихся серебром глаз. Заметив это, он ухмыльнулся и пояснил: – Спокойно, так только в темноте бывает. И то не всегда. Как себя чувствуешь-то?

– Нормально. Испугалась, правда, – призналась я.

– Странная ты, пугливая самоубийца.

– Там просто ограждение сломалось, но оно само, честное слово! А что вы тут делаете?

– Да так, мимо проходил, дай, думаю, загляну. Это ведь и есть та самая Школа магии?

– Не знаю, та самая ли, но точно Школа магии, – кивнула я.

– Значит, ты-то меня и проводишь к вашему директору.

– Вы ведь ему не расскажете, что я тут... то есть, что вы спасли... то есть...

– Расскажу, конечно, – хохотнул мужчина. – И тебе еще припомню. И не раз!

– Но...

– Идем.

Мужчина легко поставил меня на ноги и... набросил на плечи свою куртку так неожиданно, что я даже вздрогнула. Куртка пахла дорожной пылью, травой и кожей и настолько была мягкой и уютной, что, наверное, в ней можно было даже спать во время долгих странствий прямо среди леса, и она, как самый надежный друг, уберезет от всех ненастий.

Про потерянные туфли я вспомнила, лишь когда ноги коснулись холодного мрамора в западном зале. Холодные струйки воды продолжали стекать с платья по ногам, а я уверенно шлепала к лестнице, оставляя за собой мокрые следы и делая вид, что так и нужно. Признаваться моему спасителю в том, что я не только свернула перила моста, так еще и обувь потеряла где-то в порыве единения с природой, мне стало стыдно. Мало ли, откуда ему знать, может быть, я маг природы и мне крайне важен постоянный прямой контакт с землей?

Хотя даже лесные эльфы носили сандалии, правда больше похожие на связку листвы с открытыми пальцами и стопами. А уж маги, чья стихия была природной, и вовсе не старались это подчеркивать, и им нисколько не нужно было стоять среди газона, чтобы что-то наколдовать.

А я любила грозу. Меня завораживало мрачное небо с огромными черными клубами туч, предвещающая свежесть в воздухе перед первой вспышкой, и это пугающее ожидание громового раската, пока в небе растворяется светлый разветвленный шрам. Всегда было интересно, от чего зависит предназначенная человеку магия? Воля судьбы это, осуществленное желание или отражение души?

Стихия Тьерры была водной, но ведь вода – это чистота и умиротворение, что никак не перекликалось с ее натурой. Мне думалось, что ей бы гармонично подошла земля, но если подумать, я ведь знала лишь ее внешнюю оболочку. Красивую, но грубую. А ведь у нее тоже были друзья, которые за что-то ее любили, значит, где-то внутри была спрятана такая Тьерра, которую она никогда не захочет показывать «не своим» людям.

Воздух считался моей стихией, хотя по странной иронии из всего разнообразия этой магии лучше всего у меня получались грозы. Возможно, именно потому, что они были так трепетно мной любимы.

– И долго еще идти? – Размышления мои прервал голос Рейвелла, я охнула и виновато взглянула на него.

– Простите, я задумалась, такое со мной часто бывает... к сожалению.

Сейчас при легком свете я смогла его рассмотреть. Волевое лицо мужчины украшала легкая щетина, ярко выделенные черными ресницами каре-зеленые глаза с прищуром, густые темные брови вразлет придавали выражению особую суровость. Но было в его внешности что-то настораживающее, неправильное...

– Почему «к сожалению»? – Тонких губ коснулась легкая усмешка.

– Все учителя говорят, что это плохо очень. У меня внимание быстро рассеивается, и я перескакиваю с темы на тему. Чаще мысленно, а потому забываю, о чем рассказывала перед этим. А когда стоишь у доски, отвечая домашнее задание, это может стоить плохой оценки, – вздохнула я.

– А в классе-то ты каком?

– В восьмом, – призналась я.

Рейвелл неопределенно хмыкнул.

– А я-то грешным делом подумал, в шестом.

Не худшая шутка по поводу того, что я выглядела несколько младше сверстников. Хотя я и так считалась одной из самых мелких на потоке, потому что попала в школу почти на год раньше, чем полагалось, да и высоким ростом похвастать не могла – Рейвеллу я еле до плеча доставала.

– Мне восемнадцать зимой будет, – проговорила я. И снова зачем-то вздохнула. А потом все же сообразила, что так озадачило меня в моем спасителе. Его светлые волосы длиной до плеч, наспех захваченные в хвост, на самом деле были не пепельно-русыми, как показалось изначально, а абсолютно седыми. – А вы белый совсем почему-то...

Рейвелл захохотал. Просто вдруг остановился и захохотал, одной рукой устало потирая лоб, а другой опершись на лестничные перила.

– Потрясающее в своей простоте заявление, – произнес он, успокоившись. – Не переживай, мне еще слишком далеко до сотни, а с этим... просто не повезло.

– Зелье, наверное? – Любопытство спрятать не удавалось.

– Зелье, зелье, – кивнул он.

А я осторожно, не сводя с него взгляда, постучала в дверь кабинета директора Магнета.

– Войдите! – глухо прозвучало из-за двери. Чуть скрипнули петли, когда я осторожно толкнула ее вперед и вошла в кабинет. – Тьерра, если это опять ты, то разговор окончен, и никакие твои жалобы... О, дейрис Литте! Только не говорите, что дейрис Магнет вновь применяла против вас магию и...

Я охнула, вспомнив про мокрое насквозь платье.

– Нет-нет, Тьерра тут совсем ни при чем, это я сама случайно! И меня попросили...

Пронзительно синий взгляд Атиаса Магнета всегда излучал спокойствие вперемешку с заинтересованностью. Еще ни один ученик, пришедший в этот кабинет со своими проблемами, не остался без должного участия со стороны директора. За исключением – по иронии – Тьерры. Вопреки всему отец ее страдал острой формой объективности, а потому понимал, что характер у дочери своеобразный, и если она на кого-то жалуется, значит, скорее всего, полезла к нему первая.

– Магистр Шакс, я так понимаю? – Директор вскочил из-за своего рабочего стола и устремился навстречу нам с Рейвеллом. – Но мы ожидали вас только утром...

– Мой конь был слишком тороплив, – усмехнулся мой спаситель. – Видимо, у него свои дела в Азари. Рад нашему знакомству, директор Магнет. Я наслышан о вас.

– Не могу сказать того же, – вернул усмешку Магнет. – Но доверяю рекомендовавшему вас господину Гранду, а потому – добро пожаловать! Дейрис Литте, магистр Шакс займется вашим боевым воспитанием, пока магистр меча и магии Торрин... временно выбыл из строя.

– Магистр Шакс... – протянула я, пробуя звучание на слух. – Это очень хорошо, значит, теперь не нужно будет договариваться с магистром Кадал, чтобы проводила у нас сдвоенный урок!

– Я знал, что вы оцените. Благодарю, что проводили нашего нового учителя. Не окажете мне еще одну услугу? – Хоть тон директора и был вопросительным, по сути своей это все равно было утверждение.

– Конечно, что угодно, – привычно кивнула я.

– Покажите магистру Шаку его комнату – пятнадцатую, на учительском этаже.

Откланявшись, я вынырнула в коридор и оставила мужчин по их просьбе «на пару минут» наедине. Выжала юбку в горшок с фикусом, что мирно сох в углу, взъерошила прилипшую ко лбу челку. И только собралась вздохнуть по погибшим кудряшкам, как дверь открылась, и Рей... то есть магистр Шакс вышел из кабинета.

– Что ж, веди, Айла Варрей Литте. Магнет сказал, что ты староста.

– И вы теперь тоже будете постоянно меня гонять то тряпку мочить, то в учительскую за мелом?

– Ну что ты. Всего лишь оставлять после занятий, чтобы точила мечи. В моем искусстве нет места пустой писанине и схемам, мы все будем изучать на практике. Хотя... я даю некоторые послабления девушкам. Даже если они старосты.

– Какого же рода послабления?

– Разрешаю махать деревянным мечом. Железный-то еще не каждая поднимет.

– А в чем смысл занятий, если не учить чему-то, что пригодится в жизни?

– Не знаю, как принято в вашей школе, но я давно привык, что любые школьные знания сводятся к одной цели: сдать экзамен. А о применении их в жизни никто даже не задумывается. Мое безграничное уважение вашему директору, если у вас здесь не так.

– Все учителя стараются. Правда, у некоторых довольно странные методы, но зато действенные, – улыбнулась я, припомнив Одина, Линаса и русалок.

– Надеюсь, ты не имеешь в виду вышеупомянутые тряпки и мел? – усмехнулся магистр Шакс. – А то я готов признаться, что до такого уровня мастерства мне еще расти и расти.

– У вас еще все впереди, – заверила нового учителя я. – И мы пришли. Комната пятнадцать, этаж учительский.

– А где этаж ученический? – Порой я не успевала понимать, в шутку произносит что-либо мой спаситель или всерьез.

– Через переход, соседнее здание – оно целиком ученическое. А зачем вам?

– Да мало ли. Вдруг тебя снова спасти придется. – И он подмигнул мне так нахально, что я невольно отшатнулась в сторону. Но Рейвелл, словно ничего не заметив, учтиво кивнул и произнес:

– Спасибо, что проводила, Айла Литте. И будь осторожна.

Щеки окатило жаром, и я опрометью кинулась по лестнице так быстро, что даже не заметила, как оказалась в надземном переходе между корпусами. Смущенная от самых пяток до кончиков ушей, я замерла перед стеклом, прижалась лбом к нему и, переводя дыхание,

вгляделась вдаль. Туда, где под бодрые песнопения празднующих огненной змеей текла река, унося с собой плавающие свечи и прогоняя зловещего ночного волка, чтобы рассветный единорог смог занять свое законное место на небосводе.

Глава 2

– Я, конечно, мертвая, но не слепая! – Ири так «радостно» встретила меня на пороге, словно речь свою она начала задолго до моего прихода, а я ворвалась прямо к развязке.

– Это вышло случайно! – на всякий случай тут же открестилась я. Что бы ни имела в виду Ири, в любом случае это не могло получиться нарочно. В моей жизни вообще мало что происходило по какому-то замыслу, на все была воля случая.

– Ты поняла, о чем я? – хмуро откашлялся призрак.

– Нет, – созналась я, понуриив голову.

– Как обычно, – вздохнула Ири. – Я про твой, с позволения сказать, внешний вид. Сиара тебя убьет.

– А мы сейчас быстренько высушим, и она не узнает. – Я осторожно стянула платье и повесила на спинку стула.

– Узнает, узнает, – пообещала подружка, скрестив руки на груди. – А туфли где посеяла? Я уж стесняюсь спросить, как ты их посеяла!

Откровенно смуглившись, я пробубнила что-то невнятное про сломанный каблук, потом про то, что просто забыла, и уж совсем отличилась, сообщив в итоге, что их украл неизвестный злоумышленник. Я говорила, что не умею быстро врать? Это тот самый случай.

– Какой странный злоумышленник, – Ири просверлила меня взглядом, – зачем это ему туфли со сломанным каблуком, о которых ты еще и забыла? Да и демон с ними, с туфлями. Что это был за мужчина с тобой?

Лучше бы Сиара уже убила меня за свое платье! Мне бы тогда не пришлось краснеть, точно юной школьнице, пойманной за каким-то непристойным занятием. Хотя, если вспомнить, что я и есть юная школьница...

– Это просто новый учитель, он попросил проводить его к директору. Вот и все!

– И все? А куртка?

Мысленно я взвыла. Куртка! Ну конечно! Наброшенная на плечи магистром Шаксом, она так и осталась согревать продрогшую меня.

– Я с моста в реку свалилась, – созналась я. – А он меня вытащил и куртку дал. Неловко получилось, надо бы вернуть.

– Вернешь завтра, – с предвкушением проговорила Ири. – Лишний повод будет...

– Для чего? – удивленно моргнула я.

– Ох, и чему тебя только учили. – Сокрушающийся призрак проплыл под потолком от стены к стене.

– В основном магии, – вздохнула я.

Ири закатила глаза так, словно хотела увидеть свою голову изнутри.

– Демона с два я бы тебя пустила сюда жить, предупреди ты меня сразу о своей легкой... недогадливости.

Призрак еще долго причитал, плавая по комнате, иногда проходя сквозь меня, теряясь в шкафу или, забывшись, утекая в коридор. А я с нелепой улыбкой сидела в одной сорочке на кровати, подобрав ноги, и осторожно водила ладошками над платьем Сиары. Легкие потоки воздуха подсушивали ткань, в голове крутилась снова и снова сцена спасения, и никак не давали покоя чуть светящиеся серебром глаза.

– Вот помяни мое слово...

– Какое из них? – вежливо поинтересовалась я. Уж больно много их было сейчас сказано.

– Нет, я для вас вообще пустое место? – Ири нависла надо мной так сурово, что на всякий случай я даже убрала руки от платья, дабы от переизбытка чувств не спалить его ударом молнии вместе с собой и кроватью. – Повторяю! Если ты не научишься простым, житейским, девчачьим хитростям, так и останешься...

– Не останусь, – заверила я Ири. – Однажды ты не выдержишь, запугаешь какого-нибудь беднягу до полусмерти, пообещав, что оставишь в покое, только если он возьмет в законные супруги твою милую, но очень стеснительную подружку, и он согласится на любые условия, лишь бы только ты перестала стонать ночами над его кроватью.

– Стонать ночами – это прерогатива магистра Белл, – фыркнула Ири. – А я деморализую противников куда менее гуманными способами.

– Нас с Сиарой так и не демоза... тьфу, деморализовала, – хихикнула я.

– Так вы и не противники. – Она флегматично пожала плечами.

Тут мне вспомнилось, как отчаянно Ири пыталась меня выселить в первые дни моего заселения. Предупреждали ведь, ой предупреждали, что из комнаты этой все новенькие сбегают через пару дней, но выбора, с кем и где жить, было не так много, а потому, торжественно пообещав хотя бы не топтать ножками, умоляя подобрать другое место, я вселилась в комнату с приятным дополнением в виде призрака. Призрак не показывался, но неприятно сопел ночью над кроватью. А если принять во внимание, что дышать ему было вовсе без надобности, то сопение требовало с его стороны определенных затрат. Но он был настойчив, и вскоре к сопению прибавилось скрежетание. К скрежетанию – внезапные появления в виде эфемерной сущности, прилетающей в лицо, стоило только открыть дверь. Парящие предметы, бьющиеся кружки, пропадающие учебники, хлопающие двери – все это привидение проделывало с особым старанием, постепенно зарабатывая звание заслуженного полтергейста школы.

Однажды гостиная комната на нашем этаже, где я приспособилась делать уроки, оказалась занята, и мне пришлось учить заклинания наизусть, оставшись в своей. Настойчивое, но совершенно невнятное бормотание комнатного призрака отвлекало, и я прочитывала заклинание вслух, зажав руками уши, чтобы не сбиться.

– Неправильно, – вдруг отчетливо раздалось рядом. – Если ты здесь не сделаешь акцент на «тетра», то дальше лучше сразу не читать.

– А что будет? – искренне озадачилась я, обернувшись.

– Смотри! – Призрак приобрел вполне отчетливые очертания молодой девушки, которая, сложив ноги крест-накрест, зависла рядом со мной в воздухе и принялась что-то вырисовывать перед собой легкими движениями.

Тонкие нити энергии соединялись в рисунки, рисунки двигались, а я воочию наблюдала, как расползаются фрагменты колдовских символов, сплетаясь в невиданное чудо-юдо с десятком щупальцев, и как утягивает оно в свою бездонную глотку бедных, несчастных учеников, учителей и весь замок следом.

– Это если вкратце, – усмехнулся призрак. – В общем, правильное всего будет делать акцент голосом вот тут, – она ткнула прозрачным пальцем в центр третьей строчки, – и вон там, рядом с «анистас». Ну и про «тетру» не забывай.

– Спасибо, – разулыбалась я. – А откуда ты все знаешь?

– Обижаешь, – хмыкнула девушка. – Я, между прочим, здесь училась! Правда, не до

конца.

– А почему? – печально изогнула бровки я.

Призрак покрутил пальцем у виска, так осуждающе взглянув на меня из-за моей недогадливости, что я быстро осеклась и сообразила.

– А что с тобой случилось?

– Не помню. Вот совсем, – махнул рукой призрак. – Помню только, что у меня выпускной должен был быть.

– Ничего себе, так ты уже была почти мастером? – Я даже на стул с ногами влезла от любопытства и нетерпения услышать эту историю.

– Почти, – призрак вздохнул. – Я теперь вечный «почти мастер». Ладно. Ты живи тут. Будем вроде как соседками.

– А почему...

– Да потому, – пресекла мой вопрос Ири. – Предыдущие были истеричками жуткими. С ходу ор поднимали, требовали, чтобы призрака изгнали вообще из стен школы. Я бы с радостью на самом деле куда-нибудь удалилась, но – увы. Раз я умерла где-то тут, то и обречена навечно оставаться в этих стенах. А ты молодец, спасибо.

– Спасибо? – хлопнула глазками я. – Но за что?

– Ну... Во-первых, ты выжила тут почти неделю и ни разу не пожаловалась. Во-вторых, ты меня внимательно слушаешь, что-то спрашиваешь, точно мы с тобой на самом деле соседки. И как будто я живая, что ли. Последние годы мне этого несколько... не хватало.

– А мне нравится считать, что призраки – это просто отдельная раса, – улыбнулась я. – И с тобой интересно. Ты, наверное, столько всего знаешь!..

– Деянира О’Нил, – наконец-то представилась она. – Можно просто – Ири.

– Деянира... Красиво! – Я даже хлопнула в ладошки. Чем окончательно завоевала доверие так и не состоявшегося полтергейста.

– Ты опять? Айла!

Я тряхнула головой, переключаясь с Деяниры из прошлого на Деяниру настоящую.

– Что опять?

– Повтори последнее, что я сказа...

– Нет, я не понимаю! – Ворвавшийся в комнату ураган «Сиара» спас меня от допроса, переняв весь огонь на себя. – Вот ты... – Она ткнула коготком в нос Ири, немного перестаравшись, отчего палец ушел туда целиком. Ири фыркнула. Она утверждала, что это лишь кажется, будто призраки не чувствуют ничего, на самом деле нет ничего противнее, когда сквозь тебя пытаются пройти или просто шутки ради тычут пальцами. – Ты столько лет живешь... Прости, дорогая. Существуете на свете, может, хоть ты постигла какую-нибудь вселенскую мудрость, или, возможно, изучила все модели поведения, или это просто в природе людской заложено быть такими... – следующее «прости, дорогая» было уже адресовано мне, – но я, хоть убейте, не понимаю... Что с моим платьем?!

Ни я, ни Ири такого поворота сюжета не ожидали.

– Ты в нем купалась, что ли?

– Ну да, – созналась я смущенно.

– Вот не смешно сейчас. Seriously, что с платьем? – Сиара потрясла помятую и недосохшую лазурную тряпочку с частичками водорослей, брезгливо сморщила нос и, отложив ее в сторону, вновь взметнулась вихрем в центр комнаты. – Демон с платьем. Меня Линас поцеловал!

– Совсем? – хором воскликнули мы с призраком, тут же одновременно озадачившись, как можно «поцеловать не совсем».

– Я почти увернулась. Но самое страшное знаете что?! Он сделал это на глазах у Айдре! Ири потусторонне протянула: «У-у-у!», я сочувственно покачала головой.

Наша подружка давно заглядывалась на старосту выпускного класса, не решаясь заговорить, но лелея надежду и даже немного уверенность, что однажды он сам прозреет и увидит в ней не только ученицу из восьмого, но и симпатичную девушку. И заигрывания Лина, да еще и такие нахальные, были сейчас совершенно неуместны.

– Нет, все. Это провал. – Сиара повалилась на кровать, точно тряпичная кукла, и уставилась в одну точку. Этой точкой, как назло, оказалось слегка непрезентабельного вида платье, отчего страдания подруги изрядно усилились.

– А он точно все видел? – осторожно поинтересовалась я.

– Как думаешь, если он сказал: «Господа, здесь не место для подобного, позвольте пройти», то он точно все видел? – язвительно отозвалась Сиара, даже не шевельнувшись. – Это конец. Нет, точно конец.

– Хочешь, я Линаса ночью до кондрашки доведу? – вкрадчиво предложила Ири.

– А память Айдре стереть можешь? – внезапно оживилась ферре, рывком усевшись на кровати. – Ну так, не всю, а только часть? Всего один вот маленький, крошечный фрагментик!

По правде говоря, в том, что у Сиары и Айдре что-то могло сложиться, мы сомневались. Но законы дружбы порой не признавали объективности, о чем нам сообщила сама же Сиара, когда пару лет назад мы решили донести до нее, что Айдре заинтересуется девушкой только в том случае, если она будет хоть сколько-нибудь похожа на пробойну в стене, заклинившую щеколду в уборной, или повышенное финансирование учебных исследований государством.

– Вот будешь ты мне жаловаться на Одина однажды, а я тебе скажу: «Нет, он на самом деле прав, ты ведь действительно плохо отвечала у доски». Ты ради этого ко мне пришла? И в следующий раз, когда обидят, опять ко мне же придешь? Нет. Будешь просто молча страдать, не зная, с кем поделиться. А ты, Ири? Хочешь каждый раз слышать: «Ну, ты же мертвая, чего возмущаешься»? Вот! Не хочешь! А я тоже прекрасно сама все понимаю, потому что это очевидно, но от вас я хочу получить простое сопереживание! А «с ним тебе ничего не светит» мне и Тьерра может сказать. Разницу чувствуете?

Тогда-то мы и решили единогласно, что Сиара права, и с тех пор активно участвовали в обсуждениях, которые больше походили на перемывание бедняге костей. И вздыхали вместе тоскливыми вечерами, когда с нами (то есть с Сиарой, конечно) не поздоровались или не посмотрели в нашу (то есть Сиарину) сторону. И радовались, если нам (то есть Сиаре, само собой) как-то вдруг необычно улыбнулись...

А потом мы и сами стали верить в то, что не все так плохо, как казалось, либо просто настолько хорошо поддерживали подружку, что действительно прониклись. Главное, что Сиара бегом неслась к нам с любыми новостями, а не старалась пересидеть вспышки своих эмоций где-нибудь в роще за русалочьим гротом, куда только единороги и заходят. И то редко. И, возможно, неправда. По крайней мере, их там никто не видел, но, по слухам, именно там они и жили.

– Память? – нахмурилась Ири. – Память вряд ли. Я такое зелье варить не умею.

– Зелье! – Желтые глаза сверкнули звездами.

– Плохая идея, – покачала головой я.

Сиара вздохнула:

– Ужасная. Но... Эх, ладно, неужели и помечтать нельзя?

Уж что, а мечтать в нашей комнате было можно. Пожалуй, это даже была одна из тех особенностей, объединившая нас троих в этих стенах. Для меня долгое время казалось настоящим воплощением сказки мое умение колдовать, и когда родители запрещали даже произносить слово «магия», я, перед сном искренне восхищаясь, разглядывала маленькую сверкающую искорку между ладонями. Настолько крошечную, что ее свечения никто больше не видел. Только Картер, прокравшись из своей комнаты на носочках, тихо-тихо, чтобы не скрипнула ни одна половица, забирался ко мне на кровать и просил «натворить что-нибудь такое». И смешно разводил руками при этом.

Надо будет завтра отправить братишке письмо. И обязательно написать, что скучаю.

Куртка магистра Шакса была бережно упакована в бумажный сверток, который я трепетно прижимала к груди, шагая на занятия. Вопреки советам Ири навещать комнату учителя я не рискнула, хотя честно дошла до самого учительского этажа да ринулась оттуда опрорхнуть, едва заслышав в коридоре чьи-то шаги. А потом шла и ругала себя за нерешительность, ведь ничего противозаконного я не замышляла (опять же вопреки советам Ири), а просто зашла отдать вещь магистру... И какая остальным разница, что там, в свертке? Может быть, меня директор Магнет попросил. А даже если и не попросил, что такого...

Нет, все же я поступила правильно. Если бы у меня потребовали предъявить содержимое свертка, как бы пришлось краснеть, показывая невесть откуда оказавшуюся у меня куртку учителя? Здравый смысл, конечно, шептал мне, что куртка, чай, не портки и никому даже в голову не придет меня останавливать и расспрашивать, но опасения, засевшие в подсознании, зудели так, что, пока я неслась по ступенькам вниз к переходу в учебный корпус, только и молила о том, чтобы сейчас не встретился мне магистр Шакс, поскольку я в лучшем случае впихну ему в руки куртку и молча испарюсь в неизвестном направлении, а в худшем – ляпну какую-нибудь несусветную глупость, не успев собраться с мыслями. А я не успею, я себя знаю! Да так и убегу опять. С курткой.

Магистр Аделин Тейл не обратила никакого внимания на вошедших в кабинет учеников. Она была погружена в свои думы прочно и безвылазно. На столе перед ней были разложены травы, и Лин, не сдержавшись в очередной раз, полусшепотом пошутил об их дурманящем воздействии, на что услышал потусторонний голос учительницы:

– А иначе на вас, дейр Далин, никаких нервов не хватит. И воздействие у них не дурманящее, чтоб вы знали, а успокаивающее. Подробнее об этом нам расскажете вы на следующем уроке, вот на этом самом месте у доски, держа в руках свой замечательный реферат, который вы обязательно успеете написать за один день. Вам ясно?

– Ясно. А можно будет сначала их все на себе опробовать? А то я так волнуюсь, когда приходится перед публикой выступать...

По рядам учеников шелестом пробежал смешок.

– Кто-то еще хочет самостоятельно поработать?

Магистр обвела взглядом аудиторию. Непривычная тишина повисла в кабинете. Казалось, слышно было даже шевеление извилин в голове у Линаса в попытке придумать, как избежать написания реферата.

Злорадная усмешка Сиары, к сожалению, тоже не ускользнула от учительницы.

Подружка столь искренне обрадовалась свалившейся на Линаса работе, что так и не смогла вовремя изобразить полную безмятежность на лице.

– Дейрис Чарен, – магистр вопросительно изогнула брови, – а вы, я думаю, жаждете составить дейру Далину компанию? Так будь по-вашему.

– Я? Нет, нет, что вы, я просто задумалась! Случайно! – Сиара, «воодушевленная» вчерашним сдвигом в их с Лином отношениях, так затараторила, что Тейл молча положила перед ней пару сухих веточек.

Сиара вздохнула. Тонкий аромат ромашки и чабреца дотянулся даже до моего носа, и я наконец-то выпустила из рук сверток, предназначенный магистру Шаксу. И чего я так разволновалась в самом деле?

– Тогда убираем в сторону учебники и повторяем материал прошлого занятия. – Тейл напоследок вдохнула поглубже и сгребла сухоцветы в небольшой полотняный мешочек, перевязанный атласной нежно-зеленой лентой. – Пойдем по порядку...

Сколь тонким было сейчас мое душевное равновесие, приправленное ромашковыми мотивами, столь неожиданно прозвучало первым мое имя, по списку находившееся ровно в середине.

– Дейрис Литте нам расскажет, какие травы используются магами-обережниками, если клиент просит создать амулет для привлечения богатства.

– Но...

– Не расскажет? – хмыкнула Тейл, уже заноса руку над клеточкой напротив моей фамилии.

– Расскажет, – пробормотала я, вскакивая с места и устремляясь к доске. Тейл требовала, чтобы мы выходили отвечать перед классом, но мне на своем месте было куда комфортнее – стоя за партой, я видела лишь затылки одноклассников и совершенно не отвлекалась на их тихие перешептывания и переглядывания. – Мирт...

– Что «мирт»? – важно осведомилась магистр.

– Используют... для создания, – заикнулась я.

– Ну, так и говорите. Вы ведь не в первом классе, пора привыкнуть давать полный ответ!

Переведя дыхание, я постаралась говорить чуть медленнее, чтобы от волнения не затараторить, путая слова и буквы.

– Для создания амулетов, привлекающих богатство, маги-обережники используют мирт, мяту...

– Какие именно виды мяты?

– Кошачья, – неуверенно ответила я. – Перечная...

– Перечная – нет, – отрезала Тейл. – Хотя у перечной множество свойств и она перекликается с сородичами, но деньги она не приносит. В отличие от своей сестрицы... – И магистр кивнула мне, давая мгновение исправиться.

– Колосистой! – едва не хлопнула в ладоши я, вспомнив.

Учительница благосклонно кивнула и вновь перевела взгляд с меня на класс. Стало ощутимо спокойнее.

– Базилик, клевер, орешник, аир, – воодушевленно принялась перечислять я, отмечая лишь согласное покачивание головой магистра Тейл, – гвоздика, виноград, апельсин... Еще в учебнике была пара трав, у которых в свойствах написано не «деньги» или «богатство», а «благосостояние», что тоже можно в принципе использовать, но в зависимости от желаний клиента...

– Какие, например? – пробормотала вопрос себе под нос магистр.

– Например... жасмин!

– Все верно. Молодец. А что ты можешь еще рассказать, допустим, про аир?

Легкое почесывание макушки помогло. Либо этот жест придал мне особой загадочности, что магистр не стала меня торопить по своему обыкновению, либо мне удалось затронуть особо думательную точку, но про свойства аира я вспомнила в тот же миг.

– Его не рекомендуют употреблять внутрь, поскольку есть ядовитые виды с теми же свойствами, но если увидите аир, растущий возле водоема, то можете спокойно пить из него воду, потому что растение ее прекрасно очищает. Корень аира кладут в лечебные порошки и фимиамы, а семена, нанизанные на нити, как бусы, рекомендуется носить при себе, и это тоже полезно для здоровья. – Я так спешно все рассказывала, словно боялась вновь забыть. – У него очень обширное применение в целительстве! Например, если у вас язва или волосы выпадают...

– У меня? – медленно перевела на меня взгляд магистр, слегка удивленно изогнув брови.

– У всех, – исправилась я. – То есть он хорошо помогает тем, у кого...

– Мы поняли, дейрис Литте. – Легкая усмешка на лице Тейл меня успокоила. Она просто пошутила. Но настолько редким явлением это было, что каждый раз успеваешь испугаться, прежде чем поймешь, что лишняя двойка на самом деле тебе не грозит. – Можете вернуться на свое место. Порадовали.

И я под собственный шумный вздох облегчения прошагала вдоль рядов и шлепнулась за парту рядом с Сиарой, непроизвольно заметив, что чего-то не хватает.

– Староста! Решила к бродяжникам податься? – зычным шепотом изрек Линас и продемонстрировал... куртку магистра Шакса. На весь класс.

– Что за шум? – тут же вскинулась Тейл, а я едва не провалилась сначала под парту, потом под пол и, наконец, под землю. – Дейр Далин?

– Право, магистр, ваши подозрения мне точно нож в сердце. Почему если шум, то сразу «дейр Далин»? Может, это дейрис Литте буянит на радостях?

Сиара открыла рот в полной готовности выпалить что-то в мою защиту (или подлить масла в огонь под Лином), но я предусмотрительно ущипнула ее под партой за бок. Она распахнула глаза и издала тихий, но очень прочувствованный возмущенный звук, которым передала всю любовь ко мне, уважение к моей семье вплоть до пятого колена и даже, кажется, пожелала всего самого светлого и доброго в моей короткой оставшейся жизни.

– Прости, – пискнула я. В надежде, что я еще успею объяснить, что это ради ее же блага, я неуверенно подняла руку.

– Да-да? – отозвалась Тейл, тут же переведя взор с Линаса на меня.

– У меня одна вещь... сбежала. Случайно! Позвольте...

– А голову вы, моя дорогая, у доски не обронили? – по учительскому обыкновению, немного невпопад хмыкнула она. – Кончится урок – заберете. Никуда она не денется.

Легко ей было утверждать. Это ведь не у нее из-под носа (даже из-под двух носов, Сиара ведь тоже не заметила, как плавно утек мой сверток) утащили чужую, да еще и мужскую вещь. Лин самодовольно хмыкнул и сделал вид, будто собирается надеть куртку на себя, а я стиснула зубы. Не буду его, дурака, в следующий раз перед Сиарой защищать.

Взгляд мой заметался между учительницей и одноклассником, а руки так и зачесались соорудить какое-нибудь маленькое незаметное закливание, чтобы отвадить местного шута

чужое без спроса хватать, но ничего не придумывалось.

– Отдай, – грозно прошипела я, отчаявшись. Правда, вид у меня был в этот момент такой смущенный, что Линас мало того что не испугался, так еще и умилился.

– У-тю-тю, – также шепотом донеслось в ответ. – Чья курточка-то, а, староста?

– Не твое дело! – почти строго отрезала я.

Линас усмехнулся:

– Неужто завела себе кого-то?

– Морскую свинку. Отдай немедленно!

– Дейрис Литте! – прервала наш змеиный диалог магистр Тейл. – Не вынуждайте меня разочаровываться в вас. И ради всех святых, не заигрывайте вы с дейром Далином.

Если после демонстрации куртки я еще недостаточно залилась краской, то сейчас щеки так вспыхнули жаром, что я наверняка превратилась в помидор в парике. Спрятав лицо за черными прядями, я молча принялась отсчитывать мгновения до конца урока. А текли они так медленно, будто кто-то глупый наложил на время заклятие замедления, и поэтому кристаллики-секунды в песочных часах вальяжно перекатывались по стенкам, задумчиво замирали перед падением, а после плавно, кружась, словно перышко на ветру, опускались на дно нижнего сосуда...

Монотонный звон колокола разлился по коридорам школы самой прекрасной мелодией, что был усладой для сотен ушей приговоренных коротать свои дни в этих стенах. Я уже было вскочила из-за парты, даже мысленно взмолилась, чтобы Линас не успел убежать из кабинета раньше меня вместе с курткой, как...

– Звонок у нас для кого? – хмуро поинтересовалась прерванная на полуслове Тейл.

– Для учителя, – в унисон вздохнули несколько ребят, тоскливо возвращаясь на свои места.

– Тогда куда спешим?

– У нас сейчас урок боевых искусств! – с нескрываемым предвкушением выпалил Ферн, ходивший в любимчиках у прежнего магистра магии и меча. – Не успеем же переодеться!

Тейл вздохнула. Это был аргумент. Поэтому домашнее задание она хоть и продиктовала, но половина класса с убеждением «потом у кого-нибудь спрошу» уже застряла в дверях в стремлении выйти самыми первыми. И эта заминка оказалась для меня спасительной, поскольку Линаса мы с Сиарой нагнали у самых истоков пробки.

Взгляд парня обреченно пробежался по товарищам, что были слишком заняты попытками вырваться на волю, не нашел поддержки, не придумал, куда забросить куртку, а оттого нехотя вручил ее мне.

– Дарю, – буркнул он. И вновь оживился. – А все-таки? Ну не твоя же она. Может, расскажешь своему лучшему другу?..

– Лучшему другу – обязательно расскажу, – гордо сообщила я и прицельно стукнула тетрадь прямо Лину по носу. Тот обиженно принялся ощупывать кончик, проверяя, на месте ли, а я с видимым облегчением отошла в конец очереди.

– Эх, знала бы, что ты решишь к рукоприкладству перейти, подсунула бы тебе кирпич вместо тетради, – проворчала Сиара.

Простая мысль, что куртку вернуть Шаксу среди учебного дня не удастся, а вот вляпаться с ней я еще ой как успею, далась мне не сразу, а оттого вместо раздевалки я кинулась в нашу комнату. Махнула рукой Ири, кинула сверток на кровать и опрометью бросилась на следующий урок. Пока сменила одежду и обувь на более подходящую для

подвижных занятий, собрала непослушные волосы в высокий хвост, добежала до тренировочной площадки с восточной стороны замка, колокол, разумеется, уже прозвенел, оповещая о начале урока. Но, к великому счастью, весь мой класс вместе с параллельным стояли возле ограждения, о чем-то перешептываясь и с неподдельным интересом разглядывая что-то в центре площадки. Точнее, кого-то – магистра Шакса... в одних лишь брюках.

Шакс, потеряв чувство времени, самозабвенно вычерчивал мечом фантастические фигуры, рассекая со свистом воздух. С места на место он перемещался молнией, моим глазам оказалось не по силам уловить каждый его шаг. Только что он был у одного тренировочного столба – серебряная вспышка, удар сердца – и грозный силуэт производит свой замах над другим. Полувздох – и вот он, уже развернувшись, наносит удар с другой стороны.

Единственное, что удалось мне разглядеть в редкие секунды, когда производилась серия ударов с выкручиванием рукояти либо же особо затяжной выпад, это охваченную бинтом грудную клетку и правое плечо. Интересно, он правда участвовал в настоящих сражениях или просто ушибся где?

Белоснежные пряди упали на глаза, Шакс отбросил их назад небрежным движением руки и заметил нас, стоящих у входа на площадку.

– И чего ждем? – поинтересовался он. Голос его был ровным, словно он только что отлеживался на мягком диване, а не вертелся юлой в паре с тяжеленным мечом.

– А нас вы так научите? – выпалил Ферн. Глаза парня вспыхнули ярче солнечного зайчика, пробежавшего по сияющему клинку.

– Для начала, милейшие юные дарования, – с усмешкой проговорил магистр, – мне бы хотелось убедиться, что мой коллега вас научил хоть чему-то...

Ферн открыл рот, чтобы начать активно перечислять все, чему нас научил магистр Торрин, но Шакс язвительно завершил фразу:

– Полезному. Итак, недолгая разминка и вперед. О, утопленница, как настроение? – внезапно подмигнул он, а я, не издав ни звука, юркнула за спину Ферна, лишь бы скрыться от насмешливых каре-зеленых глаз. Одноклассники с интересом принялись озираться, пытаясь понять, кого имел в виду новый учитель, но коли уж стояли все в куче, определить это оказалось невозможно. К счастью. Лишь бы только он сам меня не выдал!

Десять кругов легким бегом по площадке дались не всем. Я выдохлась примерно кругу к седьмому и едва перешла с полубега на быстрый шаг, как почувствовала чей-то настойчивый взгляд на себе.

Осторожно боковым зрением я попыталась разглядеть, чем же занят магистр Шакс. Он продолжал вальсировать с мечом в центре площадки, но внимание его на этот раз было рассредоточено. Ни один отлынивающий от разминки не смог избежать пристального изучения. Вот сейчас, например, он, прищурившись, смотрел на Линаса, который встал среди круга, упершись ладонями в колени и свесив язык. Казалось, Шакс делал в уме какие-то пометки, чтобы припомнить и отыграть в удобный момент. Например, заставив отжиматься. Или чем еще наказывают мастера боя своих недисциплинированных подопечных?

– Закончили! – с хлопком дал команду он, едва последний ученик завершил десятый круг позора. К тому времени даже я почти успела отдышаться, а заодно стать невольной слушательницей беседы Тьерры с подружками. И хоть в разговоре я не участвовала, но

чувствовала себя категорически неловко, будто совершаю что-то противозаконное. Хотя отчасти обсуждение учителя, да еще и в людном месте, и так слабо пахивало какими-либо моральными принципами. Точно девушки специально хотели, чтобы их услышали и обратили внимание.

Тьерра без малейшего смущения назвала магистра Шакса «красавчиком», выпалила эмоциональное «о да-а-а» в ответ на реплику подружки о рельефе его мышц, а после со всем присущим ей нахальством заявила, что перед ней ему не устоять.

Впрочем, взгляд магистра исподлобья в нашу сторону заставил меня втянуть голову в плечи. Он будто слышал малейшие перешептывания в толпе, но старался не подавать виду. А оттого на месте Тьерры я бы уже лопнула от стыда. Но она кокетливо покусывала нижнюю губу и бросала на него пламенные взоры, теребила кончик волос и переминалась с ноги на ногу, будто пытаюсь продемонстрировать сразу все плавные изгибы своей фигуры в подробностях.

– У нас здесь два класса, верно? – вернув меч к стойке для оружия, спросил магистр.

Мы нестройным хором отозвались:

– Да... верно... два...

Все звуки сложились в какофонию, и Шакс хмыкнул:

– Старосты! Прошу подойти ко мне.

Из толпы протиснулись я и Брисен Шанраль, что была по совместительству самой преданной подружкой и пособницей Тьерры. Не знаю, чем удостоилась я такой чести, но Брисен прошла по мне сверху вниз надменным взглядом, словно только что получила золотой кубок в соревнованиях, обставив меня по всем пунктам.

– Будьте любезны, доложите об отсутствующих.

– В классе восемь дробь один отсутствуют Тара и Мара Лейн и Вард Амнелл, – вновь сверкнула на меня ореховым взглядом Брисен.

– Причины? – Шакс скрестил на груди руки, внимая ответу.

– Сестрам дейрис Лейн пришел вызов от родителей в связи с кончиной родственника, директор отпустил их домой на неделю, Вард Амнелл находится в лечебном отделении с отравлением. – Брисен вся лучилась, будто не отчитывалась о тех, кого нет на уроке, а виртуозно парировала у доски сложнейшие вопросы по теории магии.

– Благодарю. Вернитесь на место. Теперь вы, дейрис Литте. – По лицу магистра скользнула легкая усмешка, и мне стало неловко от ощущения, что он вот-вот что-нибудь еще скажет о происшествии на реке.

– Отсутствуют тоже трое, – пробормотала я. – Эральд Ревейн – его отпросила госпожа Денлард, чтобы помог ей в библиотеке. Матисса Лик простыла...

– Также ночью водные процедуры на свежем воздухе принимала? – ухмыльнулся Шакс. Хоть и произнес он это тихо, уши мои начали гореть.

– Не знаю, просто простыла. Нам так сказали. И почему отсутствует Лайан Дерк, я не знаю. Могу я вернуться к остальным? – наверное, излишне жалобно спросила я.

– Можете, благодарю. Передадите дейру Дерку, что тридцать кругов по нашей чудесной площадке будут ждать его на следующем занятии.

– Но за что? – хлопнула ресницами я.

– Старост ведь всегда предупреждают, если причина у ученика уважительная? – Рейвелл Шакс отвернулся от меня, точно потеряв интерес, и вновь подхватил со стойки меч. – Значит, я смею предположить, что у дейра Дерка таковой не имеется. Нет, если вдруг у него появится

доказательство, что он был, например, очень занят чисткой русалочьего грота под командованием двух-трех особо разъяренных особей, я, возможно, его и прощу. Вот теперь мо... А нет. – Рейвелл вдруг хитро прищурил глаза, усмехнувшись при этом жутко самодовольно. – Чего зря туда-сюда бегать. Вы-то мне и поможете продемонстрировать пару приемов.

– Я? Но за что? – Брови мои скорбно изогнулись, наверняка придав мне вид совершенно трагичный.

– Не съем. И бить тоже не буду, не переживайте. – Шакс легко подбросил небольшой меч острием к земле. Я успела ухватить его за рукоятку и чуть не опрокинулась вперед, носом в землю. Он ведь говорил, что девочкам мечи полегче раздает!

Пока он размечал периметр для упражнения, я любовалась ехидной улыбкой, играющей на его лице. Вздохнула, приняв к сведению, что наше знакомство не самым лучшим образом сказалось на его ко мне отношении, и подняла меч, выставив острие вперед. Хоть и был он тяжеловат для меня, но пару раз доводилось держать в руках оружие и крупнее.

У Картера в детстве была хрустальная мечта – поступить на службу к королю. И даже будучи еще совсем крохой, он махал игрушечной сабелькой и представлял, как будет защищать правителя и потом получать за это хрустящие и блестящие награды... Хрустящие, потому что в качестве награды он всегда использовал конфеты в фантиках. Или только фантики, если конфеты к тому времени успевали закончиться.

И когда я приезжала на каникулы к тетушке, Картер показывал мне все, чему научился, пока меня не было. Иногда просил помочь отработать какое-нибудь движение. Так непроизвольно я запоминала действия, шаги, хитрости, которые иногда братишка применял... А когда однажды во время прогулки Картер отбежал за мороженым, оставив меня у фонтана, и уличный воришка попытался утащить мою последнюю серебрушку, я так ловко отходила его подвернувшейся под руку палкой, что даже подоспевший братец удивленно пробормотал: «Горжусь!»

Особенно он обрадовался тому, что я не одарила парня каскадом молний, тем самым не выдав себя Ордену, и самодовольно заметил, что не зря он каждые каникулы меня тренировал. Знал ведь, что я не соглашусь внимать искусству битвы добровольно, однако ни за что не откажусь помочь ему с оттачиванием умений. Как оказалось, братишка мой вырос тем еще хитрюгой... и я была ему очень благодарна. Знания эти пригождались мне нечасто, к счастью, но даже пара-тройка раз, когда мне удалось без помощи магии спасти содержимое своего кошелька либо даже себя саму в темном переулке, наглядно демонстрировали, что старался Картер не зря.

В Арлантаре магам и чародеям жилось тяжело. Настолько под запретом были колдовские таланты, что по городу целыми днями расхаживали патрули Ордена Белых Хранителей, высматривая нарушителей. И если на одной площади одновременно происходило бы вооруженное ограбление с криками и дракой и там же неподалеку какой-нибудь отважный маг демонстрировал детишкам, как красиво сверкают магические нити в солнечных лучах, рисуя ими в воздухе силуэты разных зверюшек, хранители, ни секунды не сомневаясь, направились бы к магу. Нас не любили и боялись, считая главной опасностью для горожан, и откровенно терпели наш волшебный маленький мирок у границ столицы, скрытый горами и магическими заклятиями. А мне иногда страшно хотелось побыть нормальной, чтобы взглянуть, как выглядит наша школа глазами людей без дара. Действительно ли, как рассказывают, она полностью невидима для немагических глаз, а

может, у нее контур поблескивает как-нибудь? И если шагать вперед без остановки, то стукнешься носом о колдовской защитный барьер или же пройдешь насквозь, так ничего не заметив и не почувствовав? И может ли быть такое, что я сейчас стою здесь, а «по ту сторону» магии на этом же самом месте прогуливается одинокий путник?..

– ...Ставьте вот сюда, и... Дейрис Литте?

Я, ойкнув, вскинула глаза на магистра Шакса. Он стоял напротив меня с мечом, насмешливо улыбаясь.

– Ну что, вижу, вы готовы?

– А... – растерянно проговорила я. – Задумалась. Простите, пожалуйста, повторите, что мне нужно сделать?

– Слова, слова... На практике разберетесь. – В глубине каре-зеленых глазах мелькнула задорная искра, после чего Шакс без предупреждения ухватил меня за талию, развернул лицом к одноклассникам и, не убирая рук, проговорил: – Главное в деле защиты – это правильно перенесенный центр тяжести. Обратите внимание на постановку ног дейрис Литте. – И он похлопал меня ладонью по бедру, а я ощутила, как щеки вновь заливают помидорного оттенка румянец. – Если она так и будет стоять, знаете, что произойдет?

Талия моя была выпущена из захвата цепких пальцев, магистр занял позицию напротив, предупреждая взмахнув мечом. Я робко повторила его действие и невольно отступила на пару шагов назад.

– Следите внимательно.

Сверкнула сталь, воздух взрезал оглушительный звон, когда встретились наши клинки. Я отшатнулась в сторону, парируя удар и выставив перед собой лезвие, и едва успела увидеть грандиозный замах магистра... после чего потеряла равновесие от банальной подножки!

Кончик волос подмел площадку, я зажмурилась, ожидая болезненного удара о землю, но... ничего не произошло. Я повисла в воздухе, неуверенно приоткрыла один глаз и обнаружила прямо над собой самодовольное лицо учителя, спокойно держащего меня одной рукой на весу.

– Как видите, если бы дейрис Литте расставила ноги чуть шире, развернув стопу, это могло бы спасти ее от падения. Никогда не рассчитывайте, что противник, даже если это учитель, будет играть по правилам и, взявши меч, орудовать только мечом.

– Не буду, – завершила его я.

С ужасом представляя, как выглядит наша поза со стороны, я поерзала, стараясь ослабить его хватку. Да лучше пусть уронит, чем оставаться вот так, нос к носу, чувствуя запах скошенных трав... горного родника... тропинки вдоль берега реки прохладным летним вечером, когда ярко-рыжая дорожка заходящего солнца крадется по некогда кристально-лазурной водной глади к песчаным границам...

Вторая рука подхватила меня под колени, и магистр, словно задумавшись на пару мгновений, ронять или не ронять, склонился ко второму варианту и, едва я ощутила почву под ногами, как ни в чем не бывало поднял с земли брошенный меч и вернул его на стойку.

– Разбираем оружие, – скомандовал он одноклассникам. – Девочки налево за деревянными, мальчики направо... Сами понимаете, – усмехнулся он и учтиво кивнул мне: – Благодарю вас, староста, за помощь.

– Не стоит, магистр, – ответила я и бросилась к стойке следом за остальными девочками.

– Это было... впечатляюще, – шепнула мне Сиара, едва толпа вокруг нас рассосалась. –

А какие у него ручищи...

Я недовольно фыркнула, прокрутив в ладони меч легче того, которым мне довелось орудовать несколькими минутами раньше, раза в три, и, наставив его на Сиару, с шутливым вызовом проговорила:

– Защищайтесь, сударь!

– Победа будет за мной! – достойно подыграла Сиара, мягко отступив в сторону и убедившись, что лишние уши слишком заняты своими делами, прошептала: – Но признай же, тебе понравилось с ним... э... ему помогать.

– Нет! – гордо задрала нос я.

Вслух – ни за что не признаю! Но понравилось.

– Ты бы видела, что они вытворяли. Да еще на глазах у всех!

У меня был особенный дар – возвращаться в комнату вовремя. Хотя не сомневаюсь, что Сиара не постеснялась бы вещать Ири о моих подвигах и при мне, но от столь внезапного вторжения на секунду стушеввалась. Махнула мне приветственно рукой и без малейшего стеснения вернулась к воодушевленному повествованию.

– Между ними так искрило!.. Нет, правда, искрило. Айла от волнения случайно пару молний накликала, благо обошлось.

До чего любопытно мне стало – если сказать Сиаре, что иногда можно обойтись без преувеличений, она покрутит пальцем у виска или сначала разразится возмущенной тирадой о том, что я не позволяю свою скучную жизнь делать чуть менее скучной хотя бы в «легендах»?

Лучше бы она рассказала о том, как красиво я поставила на место Тьерру Магнет, которая поймала меня после занятий и, тыча пальцем в нос, доказывала, что у меня просто нет шансов. Усложняло ситуацию то, что я не до конца понимала в чем. Нет шансов получить пятерку по боевым искусствам? Выучить защитную стойку? Выиграть у нее в честном поединке? В последнем я могла сомневаться более чем объективно. Дейрис Магнет до конца урока так и не запомнила, как нужно держать рукоять меча, чтобы он не выпадал из рук.

Или, если уж она имеет в виду непосредственно самого магистра Шакса, то о каких шансах вообще идет речь? Он учитель, она ученица, и даже думать об этом мне кажется неправильным.

Правда, руки у него надежные, если это сравнение вообще применимо к рукам. Кажется, до сих пор спиной ощущала его хватку. Такой точно никогда не уронит, если только не решит это сделать специально.

А потом Тьерра, так и не услышав от меня вразумительного ответа, просто ушла, громко цокая каблуками по полу. Поэтому тут талант Сиары меня бы очень выручил. Хотя бы в глазах Ири.

Призрак висел в воздухе, сложив ногу на ногу, и задумчиво поглаживал подбородок, глядя на меня.

– Хорошо, – протянула она. – Очень хорошо... Значит, еще не все потеряно.

– Ты о чем? – с опаской поинтересовалась я. Мало ли что она там уже придумала!

– Ну, точно не о туфлях, – хмыкнула Ири. И перекувыркнулась в воздухе, когда вдруг за спиной хлопнула дверь.

– Прошу прощения, – прозвучал до боли уже знакомый голос, и я непроизвольно вжала голову в плечи. – Я собирался постучать, но дверь открылась сама... Доброго дня.

– Доброго, – злобно захихикала Ири и медленно уткнулась в стенку шкафа. Воспитание не позволяло ей сидеть и подслушивать в открытую, как Сиаре, поэтому шкаф прекрасно подошел.

– Магистр Шакс?

Я одновременно удивилась и насторожилась. Не каждый день учителя ходят по ученическим комнатам. Да еще какие учителя!

– Хотел вернуть их утром, да, увы, не застал... Вот. На берегу нашел. Это ведь ваши? – И он невозмутимо явил моему взору... туфли!

Из шкафа раздался не то кашель, не то смех. Вот надо же ей было именно сейчас про них вспомнить! Глядишь, и не накликала бы магистра на мою голову.

– Мои, – со вздохом созналась я. – Но как вы...

– О, девочка моя, это был самый сложный мыслительный процесс. Я не спал ночами, сопоставлял факты, чертил схемы... И вот однажды нити из этого запутанного клубка сложились в четкую картину и привели меня сюда, – усмехнулся Рейвелл.

Я хлопнула ресницами.

– Да решил, что вряд ли у вас вторая самоубийца водится, если только это по традиции тут не принято. – Внезапно голос его стал низким, даже зловещим, и он проговорил: – Каждый год, именно в день, когда магическое население всего мира празднует день колдовского равновесия, добровольно должны утопиться две юные девы...

– Почему именно две? – отчего-то озадачилась я.

– Ну ты и абстрактная владелица туфель. Или что, еще кого-то не досчитались? – откровенно веселился Шакс. Такая открытая улыбка на суровом лице смотрелась довольно странно, хотя, если честно, она у него была красивая. Даже очень!

И у Сиары красивая улыбка. И у Ири. А у Тьерры – просто потрясающие брови! Яркие такие, очень ровно очерченные. Ради собственного успокоения я решила, что просто люблю отмечать в людях какие-то милые внешние черты, и было совершенно не важно, приятель это мой, неприятель или вообще – учитель.

Да даже взять того же Линаса. У него не глаза, а глазищи! Миндалевидные, васильковые, ух!

– А это вам! – вовремя очнулась я, подхватив с кровати учительскую куртку. – Тоже хотела отдать, но...

– Властью данной мне... – вдруг негромко, нараспев, точно храмовник во время ритуала, заговорила Сиара и, заметив наши слегка озадаченные взгляды, выпалила: – Можете обменяться одеждой! – и, гаденько посмеиваясь, нырнула в тетрадь с домашним заданием.

– Обручальная куртка? – хохотнул Шакс. – А ты забавная. Засим откланиваюсь. До скорого, миледи.

Сиара даже ухом дернула нервно.

– До скорого, магистр...

И едва дверь закрылась, на меня уставились сразу две пары глаз. Одна прозрачная, вторая – солнечно-желтая.

– Вы сами все видели, – пробурчала я. – И не смотрите на меня так.

– Неспроста это все, – с неким удовлетворением в голосе протянула Ири. – Ох, неспроста. Помяни мое слово!..

Ради удовлетворения подруги я согласно покивала, мол, конечно, неспроста, конечно, помяну. И убрала обручальные туфли на самую верхнюю обувную полку. А не в дальний шкаф, как раньше.

Больше всего в нашей школе мне нравилось, что все прилегающие территории были превращены в маленький город для юных магов. Иначе, несмотря на то что нас отпускали в Азарий по средам, общепринятым праздникам и на каникулы, сидели бы мы в четырех стенах, будто тыквы в борозде.

Если шагать в сторону Южных гор, то можно обнаружить парк Семи легенд. Змеями петляли по нему дорожки, вымощенные камнем, роса на ярко-зеленой траве сверкала от

малейшего касания солнечных лучей, в пруду, украшенном маленькими аккуратными кувшинками, голосисто распевали свои мелодии лягушки, а толстые утки, подкармливаемые учениками, покачивались на воде, будто лентяй сдвинулся с места, да изредка косились глазками-бусинками на шумливых соседей и гостей.

Свое наименование парк получил в честь мага, на старости лет вдруг ставшего вещать, словно бы именно здесь он в одиночку победил семерых легендарнейших чародеев, и утверждать, будто не может умереть, пока не убедится, что подвиг его не будет забыт. Выбор был за магом, и он окрестил его «скромно» – парк Великого Рубуса. Но едва маг отчалил в дальние земли, а не в мир иной, название плавно благодаря слухам начало меняться. Сначала его насмешливо называли парком Врунов, потом более добродушно – парком Сказок... Наконец общество сошлось на устроившем всех варианте – парк Семи легенд. Ровно по числу якобы побежденных великим Рубусом чародеев.

Жив ли сейчас Рубус, истории неизвестно. Равно как и то, сильно ли бы он шумел, узнав, какая участь постигла место его славы. Но одно можно сказать точно – подвиг его по-прежнему помнят, хоть и рассказывают о нем учителя истории магии исключительно в шутовском контексте.

Но от чего я была в полном восторге, так это от небольших, обвитых плющом беседок по разные стороны пруда. Нам рассказывали, что их должно быть пять, по количеству магических стихий и задумке ремесленника, их сотворившего, но у пруда красовались лишь две. Третья стояла на берегу Эйфы, вокруг четвертой вырос маленький торговый уголок. Именно туда по воскресеньям завозили вкусности из города, оптом закупаемые многоуважаемым господином Денлардом, и там же устраивались школьные ежемесячные ярмарки с конкурсами, где любой ученик мог выставить творения рук своих.

Сиара, например, в прошлом месяце заняла первое место со своими фантастическими пирожными. Не знаю, каким колдовством она их создавала, но вкуснее я не пробовала ничего. Посоревноваться с ними могла разве что шоколадная паста с мороженым. Причем не красиво выложенные на тарелочку, а самые остатки пасты на стенках и дне, которые уже ничем не достать, с добавленным к ним прямо в банку мороженым. Но это «блюдо» имело для меня особенное значение. Было в нем что-то родное, хулиганское, из детства. Родители считали это баловством и говорили, что мы «зря переводим еду», но для нас с Картером это был просто праздник. Целой банке с пастой мы так не радовались, как той, где уже почти ничего не осталось.

Пасту мама делала сама и закатывала ее в баночки. В такие дни по дому витал аромат ванили, а мы бегали на кухню каждые две минуты и переспрашивали: «Ма-ам, ну скоро? Ну скоро уже, мам?»

Письмо брату уже дошло до третьей страницы. Воспоминания о нашем шоколадном мороженом заняли примерно треть, а еще столько всего хотелось написать. Больше, конечно, мечтала наведаться в гости, но каникулы еще только через месяц, а в его школе в отличие от нас по средам не выпускают. Зато там отправляют домой на выходные, а нас – нет, поэтому приходилось довольствоваться письмами.

Капли дождя постукивали по крыше беседки, сбегали вниз, с шорохом прячась в траве, и чем громче они звучали, тем быстрее пустел парк. Мне же в школу возвращаться не хотелось совершенно, поэтому я лишь убрала письмо подальше от ограждения, чтобы бумага несильно мокла от брызг, а сама поджала ноги, упершись спиной в опору, и продолжила писать.

Под напевы школьного колокола я ворвалась в кабинет практической магии. Магистр Один, уже вставший приветствовать учеников, бросил на меня хмурый взгляд, и я поняла, что все. Вроде не опоздала, пришла секунда в секунду, но меня из всего класса он уже выделил и запомнил. Поэтому мы и старались обычно появляться группами, к шумной массе он относился более спокойно, чем к тем, кто выделялся хоть чем-то. Например, появлением в дверях ровно по колоколу.

– И где у нас староста? – откашлявшись, произнес он, когда по кивку его головы все с грохотом расселись по местам.

– Я здесь! – вскинула я руку, второй одновременно вытряхивая на парту тетради и учебники.

Один скользнул по мне взглядом, медленно перевел его на Сиару, затем на соседний ряд... Я потрясла в воздухе рукой, чтобы учитель меня заметил, но он вновь лишь прошелся по мне глазами, как по пустому месту.

– Повторяю, где ваша староста?

Сумка повешена на спинку стула, тетрадь, учебник и перо на месте. Конверт спрятан, после занятий отправлю. Я выдохнула и вновь пискнула:

– Ну вот же я!

– О, дейрис Литте... – с ноткой фальшивого удивления изрек он. – Рад вас наконец-то увидеть. Какие важные дела заставили вас опоздать?

– Но я ведь с начала урока здесь, – обиженно ответила я, чувствуя подвох.

– Нет, что вы, это я с начала урока на своем месте, а вы, готовая меня слушать и фиксировать важные сведения, только что появились. Хотя если вы хотите спорить, то давайте сделаем это у доски. Готовы ли вы продемонстрировать нам воздействие печати эалон на гексаграмму Айзека со смещением к наарду?..

Наверное, у магистра Одина очень болела голова, и потому он был даже суровее, чем обычно. Само воздействие эалон я показала. А вот когда попыталась вспомнить, где находится наард, чтобы сместить символ к нему, носком туфли случайно задела и стерла самый край начерченной эффу, и кабинет так завалило дымом, что, кажется, даже сам великий маг-практик решил, что пред нами во всей красе вот-вот предстанет один из демонов мироздания.

Но демон не явился. Дым повисел в классе еще полчаса, потом развеялся, оставив лишь выжженные символы на полу, которые после уроков мне пришлось оттирать. А это оказалось вовсе не так просто, как сообщил мне магистр Один. Сославшись на терзающую его головную боль, он положил ключ на свой стол, чтобы я закрыла сама, когда все доделаю, и ушел, оставив меня в большом кабинете наедине с эхом и огромной горелой кляксой размером с человеческий рост.

Три часа и тринадцать минут мне понадобилось, чтобы управиться. Я устало потерла рукавом лоб, вздохнула и выглянула в открытое окно освежиться. После дождя вечер был наполнен прохладой и удивительным запахом. Умытая природа всегда пахла по-особенному, и оттого соблазн выбежать во двор, несмотря на усталость, был крайне велик.

Я жадно втянула побольше воздуха и уже собралась было нырнуть обратно в кабинет и захлопнуть раму, как вдруг заметила в темноте серебристые всполохи. Не то над тренировочной площадкой, не то за ней темноту прорезали тонкие полосы, чередующиеся с взрывными вспышками, и так это завораживало, будто звезды танцевали свой странный танец, спустившись на землю.

Сходить посмотреть?.. Я с грустью взглянула на испачканные, точно сажей, руки, потом – на гудящие от усталости ноги и схватила со стола ключ. Убедившись, что дверь закрылась, я сунула ключик в карман и ринулась на первый этаж. От любопытства меня избавит только смерть, да и то сомнительно.

Выходить на улицу после захода солнца ученикам старших классов не запрещалось, но наткаться на дежурных я все равно желанием не горела. Их назначали из учеников девятого десятилетия классов, а оттого угадать, пройдут они мимо молча, замучают вопросами или домыслят что-нибудь малоприятное, было невозможно. И потому я старалась быть предельно тихой, пока семенила по коридору к выходу, осторожно закрывала за собой дверь и едва дышала.

Магическое представление на площадке продолжалось. С крыльца были отлично видны все те же пляски серебряных росчерков в кромешной темноте, и я с трудом различила движущиеся между ними очертания. Я шла вперед, все сильнее вглядываясь в ночь, терзаемая разгадкой, что же это за волшебство такое. Ведь не ученики же...

– Пригнись, – вдруг велел строгий голос, особо гулко зазвучавший в тишине, и я непроизвольно шлепнулась в траву, даже прикрыв голову руками для пущей безопасности. В тот же удар сердца надо мной пролетел яркий всполох энергии и, судя по звуку, что-то сломал за моей спиной. – Дейрис Литте, вам не говорили, что появление на площадке во время боевой тренировки чревато последствиями?

Меня поставили на ноги, отряхнули, покрутили, разглядывая, все ли со мной в порядке, и как-то больно подозрительно хмыкнули, словно что-то было не так. По хлопку зажглись факелы на каменных опорах, и я увидела... Да нет, это уже даже не смешно.

– Что вы тут делали? – поинтересовалась я у магистра Шакса, стоящего передо мной и пытающегося распутать узел на повязке.

– Тренировался, – подернул плечом он. – Вот же демон! Помогай, коли пришла.

И Шакс развернулся ко мне спиной. Я невольно отметила несколько глубоких шрамов, выглядывающих из-под бинтовых обмоток, и лишь потом подняла взгляд и поняла, что от меня требуется. Волосы на затылке впелись в узел, когда он завязывал ленту на глазах, и в попытке высвободить их оттуда лишь спутал еще сильнее.

Привстав на носочки, я осторожно нащупала сам узел, стараясь не дергать белоснежные пряди. Подцепила наиболее подвижный фрагмент, проверила, поддается или нет.

– А зачем вам на глазах повязка?

– Так веселее. – Магистр хмыкнул. – Вот ты когда-нибудь пыталась есть без помощи рук, например?

Я честно задумалась.

– Вроде нет.

– И не пробуй, – усмехнулся он, окончательно убежав от ответа. – Самый бесполезный приобретенный навык.

– Все, – заключила я в миг, когда повязка поддалась и выпустила белую прядь. – Держите! – И бойко вскинула руку с добытым трофеем в воздух, совершенно случайно задев обмотанный участок спины магистра. Шакс утробно зарычал и молниеносно развернулся лицом ко мне, взрезав полумрак серебром светящихся глаз.

– П...простите! – пискнула я, отшатнувшись назад и испуганно прижав повязку к груди.

Шакс тяжело выдохнул, поморщившись, осторожно размял плечо и пояснил:

– Да не пугайся так. Целители сказали, что через неделю-другую пройдет.

– На вас разбойники напали? – ужаснулась я.

Шакс не то кашлянул, не то хмыкнул.

– Да, разбойники. Такие немного подкованные в магии разбойники. Неприятные оказались ребята.

– А... если у вас глаза были завязаны, как вы узнали, что я здесь?

– Услышал. Вы, знаете ли, довольно громко пытаетесь быть незаметной. – Магистр даже уважительную форму обращения на «вы» умудрился превратить в насмешливую.

– Я не пыталась быть незаметной, – возмутилась я. – Мне просто стало интересно, что здесь сверкает.

Шакс вновь усмехнулся и взмахнул мечом.

– Интересно, говоришь?

– Очень! – Я даже вперед подалась, не желая пропустить ни жеста.

– Вот твоя магия... Она какая? – Шакс прошел по дуге, прорисовывая острием в воздухе размашистую восьмерку с таким безразличным видом, точно разминал запястье.

– Воздушная, наверное. – Я почесала макушку. – Хотя в основном это молнии. И грозы. И ураганы. И...

– А с виду ты не такая разрушительница, – хохотнул магистр. Очередной взмах меча с коротким свистом рассек воздух. – Да и по первой нашей встрече я бы скорее решил, что тебе ближе вода.

– Вы мне еще долго это будете припоминать? – насупилась я.

– Очень, – осклабился учитель. – Больно уж почва благодатная.

Я вздохнула. И замерла, не в силах оторвать глаз от тонких серебряных нитей, что вязью побежали по рукам магистра, перебрались на рукоять, обвили лезвие, заставив вспыхнуть ярче сотен лун. Пугающе засияли в темноте его глаза, а со стального острия разлилась ртутью настоящая живая энергия. Шакс занес меч для удара, ступок магии сорвался в полет, сбив один манекен. Тут же черед разворотов, и три манекена в разных уголках площадки распались напололам, даже не дождавшись касаний. Очередной всполох пролетел мимо меня, но я даже не успела вздрогнуть, глядя, словно замороженная, за четкими, отработанными движениями учителя, точно зная, что он уверен в каждом своем шаге.

Нити змеями танцевали в воздухе, то повторяя движения магистра, то сплетаясь под ногами в замысловатые узоры, сопровождаемые искрами взрывов пульсаров. Прошла, наверное, без пяти минут вечность до того момента, как Шакс остановился, смахнул с глаз выбившуюся из хвоста белую прядь, перебросил меч в правую руку и кивнул мне.

– И как поживает твое любопытство? Оно удовлетворено?

– Более чем! – восхищенно выпалила я. – Так вы, получается, маг?

– Не совсем, – с некоторой брезгливостью скривился учитель. – Скорее, умелец преобразовывать энергию и давать ей выход при помощи оружия. Слово «маг» мне не подходит.

– Но маги тоже умеют преобразовывать энергию, – возразила я.

– Мы делаем это по-разному, в том и отличие. – Магистр вернул меч на стойку, дождался, пока восстановятся учебные манекены. – Ты в среду собираешься в город?

– Еще не знаю. – Я вздохнула и медленно двинулась следом за Шаксом в сторону школы.

– Мне бы не помешал проводник. Составишь компанию?

– Я? Вам? – вырвалось у меня.

Шакс притормозил, оглянулся и смерил меня взглядом, в котором читался сразу весь

восторг от моих умственных способностей.

– То есть да. Конечно. Почему бы и нет, – затараторила я, не дожидаясь очередной колкости.

– Приятели на днях прибыли в Азарий, накатали трехстраничное письмо о том, как жаждут встречи, и будут ждать в «Пьяном демоне».

Воображение не преминуло засунуть трех внушительных мужчин в настоящего демона мироздания, предварительно ими же доведенного до состояния нестояния, но разум подсказал, что, скорее всего, это название одного из азарийских трактиров, коих с десятков на квартал.

– Не виделась с ними демон знает сколько. Не признают еще, поди.

– Или вы их, – хихикнула я.

– Или я, – спокойно отозвался Шакс. – А ты чего в такое время разгуливаешь-то вообще?

– С отработки шла, – призналась я. – Магистр Один оставил после урока полы оттирать.

– Магистр Один? Суровый бородатый мужик?

– Очень, – печально согласилась я.

– Очень бородатый? – Шакс усмехнулся. – Или очень мужик? Как же удалось-то тебе такую кару заслужить?

– Я даже не старалась, – пробормотала я и уже сама поняла, как двусмысленно это прозвучало. Вот чувствую, сейчас скажет...

– А если бы старалась, то от школы бы камня на камне не осталось?..

Да, примерно это я и предчувствовала. С некоторым самоудовлетворением я заметила, что начинаю предугадывать язвительные ремарки магистра. Осталось только научиться на них правильно и, что немаловажно, вовремя реагировать.

Расстались мы в переходе между корпусами под обоюдные пожелания самых красочных снов. Я шла, разглядывая носы собственных туфель, стараясь наступать только на горизонтальные полоски на полу. И совсем не волновалась по поводу обещания, данного Шаксу, и среды.

Только мысленно уже начала вести до нее обратный отсчет и поняла, что четыре дня – это очень-очень долго.

Вопреки всему среда наступила довольно скоротечно. Это вторник кончатся никак не хотел: он тянулся всей беспроглядной тьмой уроков, часами, что, казалось, отмеряли по тысяче минут до следующей отметки на циферблате, заставлял снова и снова пережевывать редкостно неинтересную информацию, усугублял все плохим настроением Сиары... А вот в среду таких проблем не было.

Стоило голове коснуться подушки с опасением, что до рассвета и глаз не сомкну, изводимая ожиданием, как меня уже растолкала Сиара с горящими глазами и радостной вестью, что придумала, как я должна выглядеть в «такой важный день».

Приготовившись отбиваться от красивых платьев и симпатичных, но ужасно неудобных туфелек, я вынырнула из-под одеяла, готовая для пламенной речи, но оказалось, что Сиара тоже умела удивлять.

В одной ее руке были зажаты темно-серые штаны, во второй – легкая светло-голубая рубашка с красивым орнаментом вдоль горловины.

– Еще мы тебе заплетем косу набок, – сообщила она. – И волосы не будут мешаться, и смотрится красиво. Ири, правда, советовала в нее пять веников с незабудками вплести...

– Вовсе и не веников, – прозвучал мрачный голос из шкафа, – просто предложила цветов для красоты напихать.

– Именно по этому трепетному «напихать» я и подумала, что она имела в виду веники, – виновато пожала плечами Сиара. – Но так как мы решили, что образ у тебя сегодня путешественницы, то цветы будут не в тему.

– Мы решили? – осторожно уточнила я.

– Ну, я решила, какая разница? – отмахнулась подружка. – В общем, это идеально! Если бы тебе приспичило вырядиться в платье, Шакс бы убедился, что у тебя с головой проблемы. Тут до Азария тащиться часа полтора, если пешком, потом до самого вечера по городу еще носиться... Ну какая умная девушка додумается в такой путь нацепить каблуки и юбки? Правильно. Никакая. Поэтому умывайся, будем плести!

Поразительно, как Сиаре удалось с виду такую мирную фразу озвучить точно угрозу всему живому в мире? Но лишать ее главной радости в жизни я не желала, посему вскоре сидела во всей красе на маленькой табуреточке в центре комнаты, изредка чихая и почесывая нос, который подружка то и дело щекотала пушистым хвостом. Стук в дверь совпал одновременно с радостным Сиариным восклицанием «Все!» и очередным моим апчи.

– Войдите! – повелевающе отозвалась подружка, гордо оглядывая результат своей работы. Критично фыркнула, взъерошила пальцами мою челку и авторитетно подтвердила: – Вот теперь – точно все.

– Дейрис Чарен, – учтиво кивнул магистр Шакс, материализовавшись в дверях. Белая рубаша внезапно ярко оттеняла чуть загорелую кожу, пепельные пряди, обычно спадавшие на лицо, сейчас были аккуратно перехвачены на затылке, каре-зеленые глаза хитро щурились. – Дейрис Литте.

Гаденькое «хе-хе!» прокряхтело из шкафа. И чем Ири так полюбилась именно эта часть нашего скромного интерьера? Коли не любишь гостей, можно найти множество других мест. Под кроватью там или вон за занавеской...

– Уважаемый... шкаф? – все тем же приветственным тоном произнес Шакс, слегка озадаченно покосившись на створки.

– Добрый день, магистр Шакс! – выпалила Сиара и всучила меня ему в руки, словно ценный приз тысячному посетителю нашей комнаты.

Готова поспорить, им с Ири не терпелось начать перетирать нам кости, хотя за прошедшие с момента приглашения четыре дня это было сделано неоднократно, иногда даже с моим участием.

– Не хочу вас пугать, но, кажется, у вас в комнате завелось привидение, – усмехнулся Шакс, едва дверь за нашими спинами захлопнулась.

– Это мы у него завелись, – призналась я. – И оно девочка. Ее Ири зовут.

– То есть утопленница делит комнату с получеловеком и привидением? Занятно, – отметил магистр, придержав передо мной входную дверь.

Повозка на Азарий отправлялась от центральных ворот ровно в одиннадцать, но надеяться, что места в ней хватит всем желающим, не стоило. Судя по числу учеников, что в свободный день не отлеживались в постелях, а уже суетились во дворе в полной боевой готовности, и трех повозок будет мало.

Мы уверенно шагали по тропинке, ведущей к выходу с территории школы. Если магистр Шакс решил пойти пешком... то я не против. Мой «дорожный образ» – спасибо Сиаре – к этому прекрасно располагал. Как ни странно, мы совершенно не привлекали внимания.

Настолько уж я была невзрачной, что даже если на нас, идущих куда-то вдвоем, и обратили внимание, то наверняка решили: нам просто по пути, не больше. Хотя пару заинтересованных взглядов в сторону Шакса я все же заметила. Но – только пару, и то сквозь меня, точно я пустое место. И это меня более чем устраивало.

Пока прокрутились все шестеренки в замке, пока скрипнул по очереди каждый из десяти засовов, прошла, казалось, вечность. Шакс вновь вежливо пропустил меня вперед, а едва ворота за нами закрылись, он так залихватски свистнул, что звон в моих ушах простоял еще секунд десять, прежде чем полностью утих.

– Что вы...

– Ты же не думала, что мы своим ходом отправимся? – усмехнулся Шакс.

Издали донесся глухой топот, похожий на звук молота, ритмично быстро ударяемого о землю, и спустя несколько мгновений перед нами предстала... лошадь. Красивая, крепкая, темно-мышастой масти. Она проделала вокруг нас пару кругов, пофыркала и ткнулась носом в плечо Шакса.

– Блик, дружище, – магистр похлопал коня по шее, – скучал?

– Это мальчик? – восхищенно поинтересовалась я.

– Мальчик! – возмущенно воскликнул Шакс, одарив меня страшным взглядом. – Это у вас в классе мальчишки, а Блик – мужик самый что ни на есть.

– И он бродил все эти дни здесь один? А вдруг его бы украли?..

– Дейрис Литте, я вас умоляю, – снисходительно произнес Шакс. – Этот конь сам кого хочешь украдет.

Словно соглашаясь, Блик помотал головой, после чего резко и пристально уставился на меня. Мне показалось, что, увлекшись оценкой моей скромной персоны, он даже один глаз прищурил в задумчивости.

– Здравсте, – неуверенно пробормотала я, несколько сокрушаясь, что правила поведения с лошадьми мне никто не преподавал.

Конь развернулся ко мне крупом. Видимо, мои знания конского этикета оставляли желать лучшего. Но Шакс одобрительно усмехнулся, после чего взмыл Блику на спину и протянул мне руку.

– Верхом умеешь ездить?

– Не очень, – призналась я. Мой опыт подобных путешествий по большей части ограничивался парой кругов вокруг фонтана в парке на симпатичном, но очень ленивом пони лет десять назад.

– Беда, – заключил он и вдруг резко нагнулся, ухватил меня за талию и, словно невесомую, подбросил вверх. Я едва успела вскинуть одну ногу, просвистев сапогом прямо над ушами Блика, и оказалась между Шаксом и лошадиной шеей в довольно многообещающей позе. Шакс ухватился за гриву, надежно сжав меня в кольце рук, чтобы я не съехала, и направил коня на дорогу.

– Все в порядке? – прозвучало прямо у меня над ухом.

Дышать лишней раз я опасалась, будто бы стоит мне пошевелиться, как Шакс уберет руки, отчего я тут же шлепнусь прямо в дорожную пыль. Но если так и дальше пойдет, то до Азария я доеду в глубочайшем обмороке, и это в лучшем случае.

– Абсолютно, – сдавленно пискнула я. – А почему вы без седла ездите?

– Лень каждый раз седлать, – усмехнулся Шакс мне прямо в волосы и пустил Блика рысью.

А я вновь возрадовалась тому, что никто не додумался нацепить на меня платье.

Иначе, боюсь, увеселительная прогулка в Азарий закончилась бы одинаково плачевно как для меня, так и для платья.

Столица Арланта на напоминала мне торт с невкусной начинкой.

Потрясающая своим убранством «вишенка» в виде красивого королевского дворца, чьи купола сверкали сотнями разноцветных камней, а витражи переливались в лучах яркого солнца, в самом сердце города. Под вишенкой – вкусный свежий бисквит, покрытый глазурью, – это улочки с небольшими опрятными домишками, тесно наставленными друг к другу, традиционно бежевых и желтых тонов, где на маленьких балкончиках всюду пестрели горшочки с цветами и аромат их заполнял собой целые проулки. Там же стояли и небольшие торговые лавочки с тканями, украшениями, а также с выпечкой, на запах которой ученики порой шли как замороженные, прикрывая в предвкушении глаза и ориентируясь только по обонянию.

И грязные окраины с их вонючими трактирами, где толпился разнообразный и разношерстный сброд всех возможных рас и где день прошел зря, если никого не побили. Начинка.

Нужный нам «Пьяный демон» находился на «стыке эпох» ровно в том месте, где окончательно исчезал запах не совсем свежей рыбы и едва начинали проглядывать красивые цветные балкончики.

Шакс спешился, после чего снял с Блика меня так же легко, как если бы на моем месте была его дорожная куртка. Конь спокойно процокал в сторону от лишних глаз, а магистр молнией взлетел на крыльцо таверны.

– Магистр Шакс... – неуверенно позвала я.

– Да-да, дейрис Литте? – насмешливо-надменно отозвался он, обернувшись у дверей.

– Я могу идти?

– Можешь. А есть куда? – хмыкнул он, прислонившись к дверному косяку.

– Не-а, – созналась я. Я не прочь была бы и просто побродить по улочкам города, но обычно со мной ходила Сиара или кто-нибудь из одноклассников, а одна я вполне могла и заплутать.

– Тогда идем со мной. Познакомлю с приятелями. – Шакс подмигнул мне. – Только одно условие!

Он так резко преградил мне путь одной рукой, что я с разбега невольно на ней повисла на несколько ударов сердца. Вскинула брови и встретила золотисто-зеленый взгляд.

[Купить полную версию книги](#)

Дейрис (жен. форма слова «дейр») – обращение к ученикам на одном из древнемагических языков, обозначающее «идуший к всезнанию».

Ферре – древняя раса зверолов. При человеческой физиологии обладают шерстью, когтями, хвостами.

Азрий – столица Арлантара.

Орден Белых Хранителей был образован несколько веков назад с целью защиты населения от происков черной магии.